

ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

*Сборник статей по материалам
XLI международной научно-практической конференции*

№ 9 (40)
Сентябрь 2014 г.

Издается с марта 2011 года

Новосибирск
2014

УДК 34
ББК 67
В74

Ответственный редактор: Гулин А.И.

Председатель редакционной коллегии:

Андреева Любовь Александровна — канд. юрид. наук, доц. Российского государственного гуманитарного университета, зав. кафедрой частного права филиала РГГУ, г. Великий Новгород.

Редакционная коллегия:

Калинская Ольга Евгеньевна — канд. юрид. наук, доц., заведующий кафедры уголовного права и криминологии Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого;

Кирьянов Артем Юрьевич — канд. юрид. наук, доц., председатель Исполнительного комитета Российского Союза налогоплательщиков, член-корреспондент РАЕН.

В 74 Вопросы современной юриспруденции / Сб. ст. по материалам ХLI междунар. науч.-практ. конф. № 9 (40). Новосибирск: Изд. «СибАК», 2014. 74 с.

Учредитель: НП «СибАК»

Сборник статей «Вопросы современной юриспруденции» включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

При перепечатке материалов издания ссылка на сборник статей обязательна.

Оглавление

Секция 1. Административное право и процесс	5
К ВОПРОСУ ОБ АКТАХ, РЕГУЛИРУЮЩИХ АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ В СТРАНАХ СНГ Андреева Любовь Александровна Богданов Анатолий Геннадьевич	5
ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЛИЧНОГО ДОСМОТРА И ДОСМОТРА ВЕЩЕЙ, НАХОДЯЩИХСЯ ПРИ ФИЗИЧЕСКОМ ЛИЦЕ В ПОДРАЗДЕЛЕНИЯХ ПОГРАНИЧНОГО КОНТРОЛЯ Гапон Юлия Павловна	12
ОРГАНЫ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ КАК СУБЪЕКТЫ АНТИКОНКУРЕНТНЫХ ДЕЙСТВИЙ Мартынова Ольга Васильевна	16
Секция 2. Актуальные вопросы противодействия преступности, носящей коррупциогенный характер	23
ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ В БЮДЖЕТНОЙ СФЕРЕ Андреева Любовь Александровна	23
Секция 3. Гражданское, жилищное и семейное право	32
ОБЩЕЕ ПОНЯТИЕ УБЫТКОВ В ТЕОРИИ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА РОССИИ Вахрамеева Юлия Юрьевна	32
Секция 4. История государства и права России и зарубежных стран	39
ПОПЫТКА РЕФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЫ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ФИНЛЯНДСКОМ В 90-Е ГОДЫ XIX В. Александрова Анжела Евгеньевна	39

Секция 5. Правовые основы государственной и муниципальной службы	44
ПОДГОТОВКА СЛУЖАЩИХ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ТАМОЖЕННОЕ ДЕЛО» НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ, РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ, РЕСПУБЛИКА КАЗАХСТАН, РЕСПУБЛИКА АЗЕРБАЙДЖАН, ЛИТВА Коровяковский Денис Геннадьевич	44
Секция 6. Теория государства и права	54
СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОНСЕРВАТИЗМА И НЕОКОНСЕРВАТИЗМА Струсь Константин Александрович Багдасарова Нарина Гамлетовна	54
Секция 7. Трудовое право и право социального обеспечения	60
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЗЛУОПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ СО СТОРОНЫ РАБОТНИКА Власенко Мария Сергеевна	60
Секция 8. Уголовное право	67
ВОЗРАСТНЫЕ ПРЕДЕЛЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ МАЛОЛЕТНИХ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНЫХ ДЕЯНИЙ Долгополов Владислав Юрьевич	67

СЕКЦИЯ 1.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

К ВОПРОСУ ОБ АКТАХ, РЕГУЛИРУЮЩИХ АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ В СТРАНАХ СНГ

Андреева Любовь Александровна

*канд. юрид. наук, доцент РГГУ, зав. кафедрой частного права
Филиала РГГУ в г. Великий Новгород,
РФ, г. Великий Новгород
E-mail: andreeva56@mail.ru*

Богданов Анатолий Геннадьевич

*адвокат коллегии адвокатов «Защитник» Великого Новгорода,
РФ, г. Великий Новгород
E-mail: anatoliybogdanov@mail.ru*

TO THE QUESTION ON THE GOVERNING ADMINISTRATIVE RELATIONS IN CIS COUNTRIES

Lybove Andreeva

*candidate of juridical sciences, associate professor,
head of the Department of private law Branch of Russian state
humanitarian University in Velikiy Novgorod,
Russia, Veliky Novgorod*

Anatoly Bogdanov

*lawyer of Zashchitnik Bar of Veliky Novgorod,
Russia, Veliky Novgorod*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена вопросам регулированию административных правоотношений в странах СНГ в судебной и внесудебной формах организации административного процесса. Авторы рассматривают проблемы реформирования системы административных актов в реестре правовых актов стран СНГ.

ABSTRACT

The article is sanctified to the questions to adjusting of administrative legal relationships in countries the CIS in judicial and extra-judicial forms of organization of administrative process. Authors examine the problems of reformation of the system of administrative acts in the register of legal acts of countries the CIS.

Ключевые слова: административное право; административный процесс; законодательство; нормативный акт; реестр; система.

Keywords: administrative law; administrative process; legislation; legal act; registry; system.

Реформирование судебной системы в России потребовали анализа аналогичных систем стран СНГ. Верховный Суд Российской Федерации в порядке законодательной инициативы внес в Государственную Думу РФ проект № 381232-4 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации [6], тем самым законодатель получил возможность определить административное судопроизводство в федеральном законодательстве, исключив административный процесс из Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) [4]. Вместе с тем, создав отдельный кодифицированный акт, законодатель решил проблемы организации административного процесса только в судебном порядке, тем не менее, страны СНГ выделяют иные административные процедуры, исполнение которых происходит во внесудебном порядке. Таким образом, нашел подтверждение факт признания правового регулирования порядка осуществления деятельности органов, уполномоченных применять меры административной ответственности, так и важность самой процессуальной деятельности в административном праве. Вместе с тем, процесс реформирования судебной системы в Российской Федерации потребовал немедленных изменений в административном процессе, в связи с чем, в настоящее время административный процесс регулируется КоАП РФ и Арбитражно-процессуальным Кодексом РФ (АПК РФ) [2]. Это обстоятельство

в определенной степени затрудняет разрешение административных споров в судебном порядке и внесудебном порядке.

Страны СНГ, в первую очередь, разработали административное кодифицированное законодательство, регулирующее административный процесс, как в судебном порядке, так и внесудебном. Например, Процессуально-исполнительный Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях (ПИК РБ) [7], Хозяйственный процессуальный Кодекс Республики Беларусь (ХПК РБ) [8], а также проекты Административного процессуального кодекса Республики Казахстан (Проект АПК РК) [1] и Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (Проект КАС РФ) [6] способствуют формулировке и разрешению основных проблем административного процесса. Безусловно, на основании анализа структуры административно-процессуальных кодексов и проектов, возможно определение основных тенденций и целей создания кодифицированного нормативного акта, в том числе, согласно действующего ПИК РБ [7], задачей административного судопроизводства является защита прав, свобод и интересов физических лиц, прав и интересов юридических лиц в сфере публично-правовых отношений от нарушений со стороны органов государственной власти, органов местного самоуправления, их должностных и служебных лиц, других субъектов при осуществлении ими властных управленческих функций на основе законодательства, в том числе следует подчеркнуть, что ПИК РБ включает в себя часть, регулиющую исполнительное производство. В соответствии с ПИК РБ [7] в административные суды могут быть обжалованы любые решения, действия или бездействие субъектов властных полномочий, кроме случаев, когда относительно таких решений, действий или бездействия Конституцией или законами Беларуси установлен другой порядок судебного производства, а также по делам об обжаловании решений, действий или бездействия субъектов властных полномочий административные суды проверяют наличие, принятых (совершенных) действий (бездействия) субъектов властных полномочий (ПИК РБ [7]). Вместе с тем, правовая ситуация в Республике Беларусь регулируется и другими способами, которые предусматриваются ХПК РБ [8] в статье 8 о способах судебной защиты. Хозяйственный суд в пределах своей компетенции и подсудности осуществляет защиту прав и законных интересов участников гражданских, административных и иных правоотношений способами, предусмотренными Конституцией Республики Беларусь,

Хозяйственно-процессуальным Кодексом, Гражданским кодексом Республики Беларусь и иными законодательными актами [8].

Законодатели в проектах кодексов (АПК РК [1] и КАС РФ [6]) ставят различные задачи, в частности Проект КАС РФ [6] в статье 3 закрепляет задачи административного производства «Задачами административного судопроизводства являются правильное и своевременное рассмотрение и разрешение административных дел в соответствии с Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными и федеральными законами, а в случаях, предусмотренных Конституцией Российской Федерации, Кодексом и законами субъектов Российской Федерации, в целях защиты прав, свобод и охраняемых законом интересов заявителей, а также общественных и государственных интересов от неправомерных решений и действий (бездействия) административных ответчиков» [6].

Законодатель в Проекте АПК РК [1] указывает задачи для понятия «административного производства», тем самым расширительно толкуя процесс как внесудебного, так и судебного порядка. Статья 8 проекта АПК РК [1] указывает: «Задачами административного производства являются защита нарушенных или оспариваемых прав, свобод и охраняемых законом интересов человека и гражданина, законных интересов юридических лиц, укрепление законности и правопорядка, предупреждение правонарушений, а также своевременное, всестороннее, полное и объективное выяснение обстоятельств каждого дела, разрешение его в соответствии с Кодексом, обеспечение исполнения вынесенного решения.»

Вместе с тем, приведенные выше примеры кодексов и проектов, отличаются от иных правовых актов органов исполнительной власти, устанавливающих внесудебный порядок административного процесса. В системах законодательства стран СНГ значительное место отведено актам федеральных органов исполнительной власти, устанавливающих процедуры применения административного материального права и порядок внесудебного рассмотрения административных отношений. Таким образом, масса нормативных правовых актов вне судебного процесса, регулирует правоотношения, складывающиеся в административном праве (утверждает порядки, регламенты, положения отдельных должностных лиц и компетенции отдельных органов исполнительной власти). В Российской Федерации предусмотрен порядок регистрации нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, в том числе и регулирующих административные правоотношения, в Министерстве юстиции РФ. Однако, отсутствует систематизация этих актов по отраслевому

принципу. Регистрация в Министерстве юстиции служит административным барьером нормативным актам министерств и ведомств, имеющих правовые дефекты юридической техники либо признаки коррупциогенности, но не отграничивает административные акты, указывающие на внесудебный порядок разрешения административных споров либо правонарушений. Любой федеральный орган исполнительной власти правомочен создавать правовые акты и регулировать внесудебный порядок рассмотрения административных правоотношений в собственных регламентах, положениях, порядке, вне судебного порядка, создавая собственный порядок. Попытки объединить отдельные внесудебные административные процедуры в многофункциональных муниципальных центрах, работающих по принципу оказания услуг, не получили дальнейшего развития, так как каждое ведомство, разрабатывая собственные регламенты, руководствовалось определенной целесообразностью, либо отдельной отраслью хозяйствования. Единственным объединяющим элементом административных регламентов явился срок рассмотрения обращений либо заявлений, причем обращение в судебные инстанции в порядке спора по решениям государственных органов исполнительной власти, затруднен, так как сам многофункциональный центр имеет статус муниципального, а как известно, оспаривание решений органов местного самоуправления имеет особенности. Представляется оправданным подготовка закона либо иного нормативного правового акта, определяющего отношения вне судопроизводства, либо включение несудебных способов урегулирования отношений в кодифицированные акты. Подобные предложения реализованы в национальном законодательстве, например, Закон Республики Казахстан от 27 ноября 2000 года № 107 «Об административных процедурах»[3], действующий нормативный акт, обеспечивающий внесудебные процедуры в административном процессе.

Практически все законодатели, разрабатывающие административное законодательство предлагают разновидности административных производств, например, судебное обжалование административных актов; производство по делам об обжаловании решений и действий, вытекающих из налоговых правоотношений с участием физических лиц и организаций; производство по делам об оспаривании решений, связанных с государственной регистрацией или отказом в государственной регистрации общественных или религиозных объединений, а также решений о ликвидации, запрете, приостановлении или ином ограничении их деятельности; административно-договорное производство и т. д.

В производстве по делам об административных правонарушениях участвуют ряд органов и лиц, выполняющих различные процессуальные функции. Они объединяются общим термином «субъекты производства». Наряду с субъектами, непосредственно осуществляющими его, в производстве участвуют и иные субъекты, характеристику которых дает законодатель, выделивший их в КоАП РФ в гл. 21 «Лица, участвующие в производстве по делу об административном правонарушении» [4].

В связи с этим представляется правильным определить, что характерная для отдельных административно-процессуальных производств подчиненность понятия «участник производства» по отношению к понятию «субъект производства» верна и для всего административного процесса в целом.

Требуют регулирования правила, которые могут в отдельных случаях не применяться по причине отсутствия в соответствующем нормативном акте прямого предписания. Особого внимания заслуживает вопрос о взаимозависимости различных видов административных производств, в том числе на уровне стран СНГ.

Сложность и глубокая структурированность содержания государственного управления, управленческих процедур, процесса управления и сложившихся в системе публичного администрирования традиций и правовых порядков стран СНГ напрямую обуславливают и сложность в определении содержания, системы и структуры административного процесса, административно-процессуальной деятельности и административно-процессуального права. Административные процедуры имеют важнейшее юридическое значение в практике межгосударственно-правового строительства и публичного управления. Появляющиеся в законодательстве правовые процедуры, в том числе административно-правовые, целесообразно оценивать с позиций юридической значимости, практической полезности, принципиальной отраслевой правовой принадлежности.

Пристального внимания заслуживает опыт законодательной деятельности государств-участников СНГ в области регламентации института административных процедур. Концепция Единого реестра правовых актов и других документов Содружества Независимых Государств, утвержденной Решением Совета глав правительств Содружества от 18 октября 1996 года [9], а также эффективного выполнения многосторонних международных договоров между государствами-участниками Содружества и обусловлена необходимостью создания единой системы учета правовых актов и других документов Содружества Независимых Государств, а также создания

соответствующего электронного банка данных. Разработка Концепции обусловлена необходимостью создания интегрированной системы формирования, накопления, систематизации и предоставления в пользование правовой информации в рамках государств-участников СНГ, единой системы учета правовых актов и других документов СНГ, а также создания и ведения соответствующего электронного банка данных административных актов. Учет и регистрация правовых актов и других документов СНГ осуществляется на основе их сбора, систематизации, обработки, поддержания в актуальном состоянии, накопления, хранения, поиска, распространения и обеспечения доступности правовой информации, имеющейся в Едином реестре.

Таким образом, законодатели стран СНГ, совершенствуя системы административного процесса на национальном уровне, принимают меры для систематизации нормативных правовых актов, обеспечивающих судебный порядок и внесудебные административные процедуры на международном уровне.

Список литературы:

1. Административный процессуальный кодекс Республики Казахстан (проект) // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.minjust.kz/ru/node/12106> (дата обращения 20.09.14).
2. Арбитражно-процессуальный Кодекс РФ// [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.consultant.ru/popular/apkrf/> (дата обращения 20.09.14).
3. Закон Республики Казахстан от 27 ноября 2000 года № 107 «Об административных процедурах» // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: ИС Параграф WWW <http://online.zakon.kz> (дата обращения 20.09.14).
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения 20.09.14).
5. Концепция Единого реестра правовых актов и других документов Содружества Независимых Государств, утвержденной Решением Совета глав правительств Содружества от 18 октября 1996 года/ [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения 20.09.14).
6. Проект Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации № 381232-4 от 10.03.2012 // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.aasp.ru/info/articles/12/1112.html> (дата обращения 20.09.14).

7. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 20 декабря 2006 г. № 197-3 // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.tammbu.narod.ru/belarus_kodex/PIKoAP.htm (дата обращения 20.09.14).
8. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.tammbu.narod.ru/belarus_kodex/PIKoAP.htm (дата обращения 20.09.14).

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЛИЧНОГО ДОСМОТРА И ДОСМОТРА ВЕЩЕЙ, НАХОДЯЩИХСЯ ПРИ ФИЗИЧЕСКОМ ЛИЦЕ В ПОДРАЗДЕЛЕНИЯХ ПОГРАНИЧНОГО КОНТРОЛЯ

Гапон Юлия Павловна

*соискатель кафедры конституционного и административного права
Южно-Уральского государственного университета,
РФ, г. Челябинск
E-mail: yuligolovina@yandex.ru*

PROCEDURAL ASPECTS OF USING BODY SEARCHING AND CARGO SCREENING IN THE BORDER CONTROL UNITS

Julia Gapon

*applicant of Constitutional and Administrative Law Department
South-Ural State University,
Russia, Chelyabinsk*

АННОТАЦИЯ

В статье исследуются правовые и организационные вопросы применения должностными лицами подразделений пограничного контроля таких мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях как личный досмотр и досмотр вещей, находящихся при физическом лице. Вносятся предложения по совершенствованию их правового регулирования.

ABSTRACT

The article examines the legal and organizational issues of application of measures to ensure proceedings on administrative violations by officials of border control subdivisions such as a body searching and cargo screening. Make proposals for the improvement of their legal regulation.

Ключевые слова: личный досмотр; досмотр вещей; находящиеся при физическом лице; меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях.

Keywords: body searching; search of personal property; measures to ensure proceedings on administrative violations.

В подразделениях пограничного контроля пограничных органов ФСБ России досмотр может быть применен как в качестве меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении, так и как административно-предупредительная мера. Следует согласиться с О.В. Гречкиной в том, что о двойном назначении досмотра можно судить исходя из целей и времени применения: данная мера может быть отнесена к административно-пресекательным мерам, а в случае возбуждения дела об административном правонарушении, может выступать в качестве меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях [4, с. 163]. В статье будут рассмотрены вопросы применения личного досмотра и досмотра вещей, находящихся при физическом лице исключительно как мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях.

Не смотря на то, что в науке административного права личному досмотру и досмотру вещей, находящихся при физическом лице уделялось определенное внимание, ряд вопросов требует более детального урегулирования. В частности, Д.А. Газизов справедливо отмечает: «анализируемая мера остро затрагивает честь и достоинство гражданина, оказывает сильное психическое воздействие, что обуславливает необходимость четкого правового регулирования процедуры ее применения. Однако правового акта, который устанавливал бы единый порядок, правила проведения досмотра, к сожалению, не существует...» [2, с. 50—54].

Представляется, что порядок применения личного досмотра и досмотра вещей, находящихся при физическом лице должностными лицами подразделений пограничного контроля можно определить как законодательно установленную последовательность осуществления определенных действий, которой должны руководствоваться

сотрудники пограничной службы ФСБ России, перед осуществлением досмотра, в момент и после его применения при возникновении условий, наличие которых позволяет им осуществить рассматриваемые меры обеспечения производства (указанное определение сформулировано на основании исследований Д.А. Газизова и А.В. Мягкова, анализирующих применение досмотра полицией [2, 3]). Строгое соблюдение порядка применения досмотра в точном соответствии с законодательством об административных правонарушениях способствует признанию действий должностных лиц при реализации обозначенной меры обеспечения правомерными.

Полагаем, что в настоящее время требует обстоятельного исследования не только вопрос о порядке применения личного досмотра и досмотра вещей, находящихся при физическом лице, но и должны быть конкретизированы вопросы, касающиеся основания и сроков применения обозначенных мер обеспечения.

В соответствии с п. 1 ст. 27.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее КоАП РФ) личный досмотр, досмотр вещей, находящихся при физическом лице осуществляются в случае необходимости в целях обнаружения орудий совершения либо предметов административного правонарушения [5]. Вследствие чего, правомерно мнение тех ученых, которые считают, что: «определение наличия или отсутствия необходимости достижения указанной цели в каждом конкретном случае Кодекс относит к усмотрению правоприменителя, уполномоченного применять оба вида досмотров. Таким образом, основание применения личного досмотра и досмотра вещей, находящихся при физическом лице, настолько широко, что делает применение рассматриваемых мер административного принуждения практически безосновательным. Достаточно лишь того, что досматриваемый является лицом, привлекаемым к административной ответственности» [1, с. 429].

Исходя из ч. 4 ст. 27.7 КоАП РФ [5] в качестве одного из оснований применения досмотра может выступать нахождение при физическом лице оружия или иных предметов, используемых в качестве оружия. Необходимым также представляется применение личного досмотра и досмотра вещей, находящихся при физическом лице в момент осуществления административного задержания либо перед отправлением физического лица в специально отведенное помещение пограничных органов для содержания лиц, задержанных за административное правонарушение.

Наиболее корректный и точный перечень оснований для применения личного досмотра, досмотра вещей, находящихся при физи-

ческом лице, по мнению автора, закреплен в Приказе МВД России от 02.03.2009 № 185, согласно которому «основаниями для личного досмотра, досмотра вещей, находящихся при физическом лице, то есть обследования вещей, проводимого без нарушения их конструктивной целостности, являются:

- наличие достаточных оснований полагать, что у физического лица, в его вещах находятся орудия совершения либо предметы административного правонарушения, в целях обнаружения которых осуществляются данные действия, либо оружие, боеприпасы, патроны к оружию, взрывчатые вещества, взрывные устройства, наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры либо ядовитые или радиоактивные вещества;
- осуществление административного задержания» [6].

Кодексом об административных правонарушениях предусматриваются три варианта фиксации факта проведения досмотра: 1) составление протокола досмотра; 2) произведение записи о проведении досмотра в протоколе о доставлении; 3) произведение записи о проведении досмотра в протоколе об административном задержании. При проведении личного досмотра, досмотра вещей, находящихся при физическом лице сотрудниками подразделений пограничного контроля наиболее целесообразным представляется первый вариант фиксации факта проведения досмотра, т. к. именно отдельный протокол личного досмотра и (или) досмотра вещей, находящихся при физическом лице наиболее полноценно способен отразить события и факты, происходящие во время реализации досмотра, а также результаты, полученные при этом.

Итак, исследование отдельных процессуальных аспектов применения личного досмотра и досмотра вещей, находящихся при физическом лице в подразделениях пограничного контроля позволяет прийти к выводу, что возможным и необходимым вариантом совершенствования правового регулирования применения рассматриваемых мер обеспечения производства в подразделениях пограничного контроля может служить наличие ведомственной инструкции ФСБ России регулирующей порядок, основания и сроки применения досмотра вещей, находящихся при физическом лице и личного досмотра при производстве по делам об административных правонарушениях, подведомственным пограничным органам.

Список литературы:

1. Административно-процессуальное право: Курс лекций / Под ред. А.И. Каплунова. М.: ДКО, СПб МВД России, 2009 — с. 461.

2. Газизов Д.А. Досмотр, как мера административного принуждения, применяемая полицией для противодействия правонарушениям в сфере оборота наркотических средств //Д.А. Газизов.//Административное право и процесс. — 2012. — № 2. — С. 50—54.
3. Газизов Д.А., Мягков А.В. Применение милицией досмотра: теория и практика. Монография / Газизов Д.А., Мягков А.В. Барнаул: Изд-во Барнаул. юрид. ин-та МВД России, 2006. — 99 с.
4. Гречкина О.В. Административная юрисдикция в сфере таможенного регулирования: проблемы теории и практики. М.: Юрлитинформ, 2010. — 296 с.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», — 07.01.2002, — № 1 (ч. 1), — ст. 1.
6. Приказ МВД России от 02.03.2009 № 185 (ред. от 13.08.2012) «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации исполнения государственной функции по контролю и надзору за соблюдением участниками дорожного движения требований в области обеспечения безопасности дорожного движения» (Зарегистрировано в Минюсте России 18.06.2009 № 14112) //«Российская газета», № 122, 07.07.2009.

ОРГАНЫ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ КАК СУБЪЕКТЫ АНТИКОНКУРЕНТНЫХ ДЕЙСТВИЙ

Мартынова Ольга Васильевна

*ассистент кафедры гражданского права и процесса Вятского
Государственного Гуманитарного Университета,
РФ, г. Киров*

E-mail: Vasilecheolin@mail.ru

PUBLIC AUTHORITIES AS SUBJECTS OF ANTICOMPETITIVE ACTIONS

Martynova Olga

*assistant at the Department of civil law and process
of Vyatka State University of Humanities,
Russia, Kirov*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию антиконкурентных административных правонарушений, субъектами которых являются органы публичной власти. Автор делает выводы относительно правового статуса данных субъектов посредством анализа антимонопольного законодательства и соответствующей арбитражной практики.

ABSTRACT

This article is devoted to the investigation of anticompetitive administrative offences, the subjects of which are public authorities. The author draws conclusions concerning the legal status of this subjects by means of analysis of antimonopoly legislation and relevant arbitration practice.

Ключевые слова: конкуренция; антимонопольное правонарушение; властный субъект; должностные лица.

Keywords: competition; antitrust offence; overbearing entity; public servants.

С целью создания конкурентной среды и недопущения практики, когда органы власти ограничивают или устраняют конкуренцию, нормами конкурентного права установлены также запреты и для органов власти, направленные на установление и развитие конкуренции [1]. К.А. Писенко полагает, что совершенствование и повышение эффективности механизмов защиты конкуренции от противоправного поведения властных субъектов не только решают задачи проконкурентного характера, но и являются важной составляющей антикоррупционной политики государства [3].

Часть 3 статьи 14.32 КоАП РФ предусматривает административные правонарушения, объективная сторона которых может быть выражена в виде:

1. заключения федеральным органом исполнительной власти, органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации, органом местного самоуправления, иными осуществляющими функции указанных органов органом или организацией, государственным внебюджетным фондом недопустимого в соответствии с антимонопольным законодательством Российской Федерации соглашения;

2. осуществления указанными органами или организациями недопустимых в соответствии с антимонопольным законодательством Российской Федерации согласованных действий.

Согласно диспозиции указанной нормы субъектами данного деликта являются должностные лица органов публичной власти,

а именно: федерального органа исполнительной власти; органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации; органа местного самоуправления; иных органов или организаций, осуществляющих функции указанных выше органов; государственного внебюджетного фонда.

На основании приведенного субъектного состава рассматриваемого правонарушения представляется, что к ответственности привлекается исключительно должностное публичное лицо того или иного властного органа. Безусловно, привлечение к ответственности органа власти и взыскание штрафа в пользу государственного бюджета является нецелесообразным. Более того, привлечение к ответственности именно должностного лица оказывает большее превентивное значение. Следует отметить, одним из основополагающих принципов функционирования государственной службы является профессионализм и компетентность государственных служащих, значит, они должны нести персональную ответственность за свои действия. Привлечение должностных лиц способствует более эффективному укреплению правопорядка и обеспечению законности в их деятельности, чем привлечение к административной ответственности органов, где они работают [2].

Административные правонарушения, предусмотренные частью 3 статьи 14.32 КоАП РФ, совершаются умышленно. Например, суд при квалификации действий Администрации Чебаркульского городского округа и ООО «Расчетно-кассовый центр» в качестве согласованных указал: «О наличии умысла свидетельствуют действия руководителя Управления муниципальной собственности администрации ЧГО по предоставлению информации ООО "РКЦ" (г. Миасс) о свободных муниципальных помещениях 01.02.2012 по спорным адресам, тогда как еще не подавалось заявление Резвухиной Л.С. о расторжении договоров аренды № 4, 34 [5]».

В качестве санкции часть 3 статьи 14.32 КоАП РФ предусматривает наложение административного штрафа от двадцати тысяч до пятидесяти тысяч рублей либо дисквалификацию на срок до трех лет, то есть такую же ответственность как по части 1 и 2 статьи 14.32 КоАП РФ в отношении должностных лиц. Следовательно, КоАП РФ при установлении административного наказания в отношении субъектов, наделенных особыми властными полномочиями, не предусматривает к ним повышенных мер ответственности.

Привлечение к ответственности по части 3 статьи 14.32 КоАП РФ соответствует правовым запретам, предусмотренным статьей 16 Федерального закона «О защите конкуренции». В соответствии

с указанной нормой запрещаются соглашения и согласованные действия публичных органов власти и организаций, если такие соглашения или такое осуществление согласованных действий приводят или могут привести, в частности, к:

1. повышению, снижению или поддержанию цен (тарифов), за исключением случаев, если такие соглашения предусмотрены федеральными законами или нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации, нормативными правовыми актами Правительства Российской Федерации;

2. экономически, технологически и иным образом не обоснованному установлению различных цен (тарифов) на один и тот же товар;

3. разделу товарного рынка по территориальному принципу, объему продажи или покупки товаров, ассортименту реализуемых товаров либо по составу продавцов или покупателей (заказчиков);

4. ограничению доступа на товарный рынок, выхода из товарного рынка или устранению с него хозяйствующих субъектов [8].

Следовательно, рассматриваемый состав административного правонарушения является формальным: подтверждение наступления антиконкурентных последствий не требуется.

«Для признания органа публичной власти нарушившим требования статьи 16 Закона о защите конкуренции необходимо установить, какое соглашение заключено, либо какие действия совершены и являлись ли они согласованными, привели ли или могли привести к недопущению, ограничению, устранению конкуренции [6]».

Часть 3 статьи 14.32 КоАП РФ предусматривает санкцию за заключение недопустимого в соответствии с антимонопольным законодательством соглашения и согласованные действия с участием властных субъектов, в том числе: а) властных субъектов между собой и б) властных субъектов с хозяйствующими субъектами [3].

Например: «... согласованными действиями, оформленными в виде соглашений ... между правительством Ульяновской области и Учреждением о порядке и условиях предоставления субсидии, оформлением государственного заказа, предоставлением субсидий для оплаты услуг третьего лица - Общества, правительство Ульяновской области и Учреждение предприняли меры к совершению сделок для заказа создания единой интеграционной пространственной ГИС Ульяновской области в обход Закона о размещении заказов, чем был нарушен пункт 4 статьи 16 Закон о защите конкуренции.... Выдача Учреждению государственных заданий, финансирование

расходов на выполнение государственных заданий из бюджета Ульяновской области, позволило Учреждению расходовать средства из бюджета Ульяновской области на выполнение работ по созданию единой интеграционной пространственной ГИС Ульяновской области без соблюдения процедур, предусмотренных Законом о размещении заказов, чем было вызвано ограничение права хозяйствующих субъектов, действующих на товарном рынке геоинформационных технологий и услуг, на участие в торгах, а также права на обжалование результатов торгов в порядке, предусмотренном Законом о размещении заказов... [6]»;

- «... в действиях должностного лица суды правомерно усмотрели события вменяемых административных правонарушений (часть 3 статьи 14.32 КоАП РФ), которые выражаются в подписании от имени мэрии города Архангельска договоров, предоставляющих обществам возможность в нарушении условий открытого конкурса осуществлять пассажирские перевозки автобусами малого класса. Следствием заключения данных договоров стало ограничение конкуренции в связи с нарушением равнодоступности локального товарного рынка [7];

- «...признаны согласованными и нарушающими статью 16 Федерального закона "О защите конкуренции" действия Администрации Коркинского муниципального района, Управления образования Администрации Коркинского муниципального района, МОУ СОШ № 1, ООО "ВОМА" по организации и выполнению электромонтажных работ, работ по ремонту перекрытия и помещений на 4 этаже МОУ СОШ № 1 до заключения договора в установленном законодательством о размещении заказов порядке. Совершенное заинтересованным лицом правонарушение посягает на установленный нормативными правовыми актами порядок общественных отношений, в связи с чем не может быть признано малозначительным [4]».

В сущности, органы власти занимают двойственный статус: с одной стороны они, как и хозяйствующие субъекты, являются активными субъектами экономических отношений, представляют интересы крупнейших собственников; с другой — данные органы наделены особыми властными полномочиями, позволяющими заключать договоры, устанавливать цены, издавать нормативные акты. В то же время действия публичных органов власти, в частности в рамках антимонопольных отношений, должны соответствовать действующим правилам рыночной конкуренции, а значит — подчиняться нормам об ответственности в случае соответствующих нарушений. Именно отсутствие дополнительных преимуществ,

одинаковый подход ко всем субъектами конкурентных отношений служат основой сохранения рыночного равновесия, толчком к соблюдению должного уровня законности.

Однако часть 3 статьи 14.32 КоАП РФ не предусматривает ответственность за участие в недопустимом в соответствии с антимонопольным законодательством соглашении и за координацию экономической деятельности. Следовательно, отсутствие законодательных норм, позволяющих привлекать к ответственности властных субъектов за эти деяния не отвечает выше обозначенному конкурентному принципу. Выступая в качестве хозяйствующих субъектов органы власти, нарушая антимонопольное законодательство, априори, могут не только заключать недопустимые соглашения, но и участвовать в них; как и координировать экономическую деятельность. В данном случае речь идет именно о потенциальных коррупционных интересах должностных лиц, представляющих интересы властных органов. Важно отметить, что лиц, совершающих эти деяния, по статье 14.32 КоАП РФ привлечь не представляется возможным.

Итак, считаем необходимым дополнить диспозицию части 3 статьи 14.32 данными составами:

«Заключение федеральным органом исполнительной власти, органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации, органом местного самоуправления, иными осуществляющими функции указанных органов органом или организацией, государственным внебюджетным фондом недопустимого в соответствии с антимонопольным законодательством Российской Федерации соглашения, а равно участие в нем или осуществление указанными органами или организациями недопустимых в соответствии с антимонопольным законодательством Российской Федерации согласованных действий или осуществление координации экономической деятельности хозяйствующих субъектов, недопустимой в соответствии с антимонопольным законодательством...»

Список литературы:

1. Башлаков-Николаев И.В. О необходимости и целесообразности изучения конкурентного права в части регулирования деятельности органов власти // Юридическое образование и наука. 2012. № 3. — [Электронный ресурс] — Режим доступа: СПС «Консультант плюс» (дата обращения 15.09.2014).

2. Морозова Н.А. О целесообразности привлечения к административной ответственности органов государственной власти и органов местного самоуправления // Российский юридический журнал. 2014. № 1. — [Электронный ресурс] — Режим доступа: СПС «Консультант плюс» (дата обращения 15.09.2014).
3. Писенко К.А. О некоторых новеллах правового обеспечения защиты конкуренции от незаконной деятельности публичной администрации // Административное право. 2010. № 1. — [Электронный ресурс] — Режим доступа: СПС «Консультант плюс» (дата обращения 15.09.2014).
4. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 08.04.2013 № 18АП-1982/2013 по делу № А76-22127/2012. — [Электронный ресурс] — Режим доступа: СПС «Консультант плюс» (дата обращения 15.09.2014).
5. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 28.10.2013 № 18АП-9459/2013 по делу № А76-9052/2013. — [Электронный ресурс] — Режим доступа: СПС «Консультант плюс» (дата обращения 15.09.2014).
6. Постановление ФАС Поволжского округа от 05.03.2013 по делу № А72-6640/2012. — [Электронный ресурс] — Режим доступа: СПС «Консультант плюс» (дата обращения 15.09.2014).
7. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 22.11.2012 по делу № А05-2865/2012. — [Электронный ресурс] — Режим доступа: СПС «Консультант плюс» (дата обращения 15.09.2014).
8. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции». — [Электронный ресурс] — Режим доступа: СПС «Консультант плюс» (дата обращения 15.09.2014).

СЕКЦИЯ 2.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ, НОСЯЩЕЙ КОРРУПЦИОГЕННЫЙ ХАРАКТЕР

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ В БЮДЖЕТНОЙ СФЕРЕ

Андреева Любовь Александровна

*канд. юрид. наук, доцент РГГУ, зав. кафедрой частного права
Филиала РГГУ в г. Великий Новгород,
РФ, г. Великий Новгород
E-mail: andreeva56@mail.ru*

COMBATING CORRUPTION IN THE PUBLIC SECTOR

Lybove Andreeva

*candidate of juridical sciences,
associate professor, head of the Department of private law
Branch of Russian state humanitarian University in Velikiy Novgorod,
Russia, Velikiy Novgorod*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена вопросам противодействия коррупции в бюджетной сфере, особенностям проявлений коррупциогенности в процессе формирования бюджета, исполнения бюджета, а также проведения торгов, закупок для государственных и муниципальных нужд.

ABSTRACT

The article is devoted to combating corruption in the public sector, the characteristics of corruption in the process of forming the budget, budget implementation, as well as tendering, procurement for State and municipal needs.

Ключевые слова: бюджет; бюджетный процесс; исполнение бюджета; государственная и муниципальная закупка; торги.

Keywords: budget; budgeting; budget; State and municipal procurement; tendering.

Механизмы противодействия коррупции в бюджетной сфере связаны в особенностями регулирования правового статуса как субъектов правоотношений, так и объектов в области формирования бюджета, и определяются:

1. Публичностью образований, выступающих в гражданском обороте в бюджетной сфере, характеризующиеся большими коррупционными рисками. В соответствии с законодательством по специальному поручению органов государственной власти федерации и субъектов федерации, местного самоуправления материальные и финансовые активы закрепляются: за государственными (муниципальными) предприятиями и учреждениями на праве хозяйственного ведения или оперативного управления; а средства бюджета и иное имущество, не закрепленное за предприятиями и учреждениями, составляющее государственную казну Российской Федерации, государственную казну субъекта федерации, муниципальную казну (п. 4 ст. 214, п. 3 ст. 215 ГК РФ [2]), имущество, не закрепленное за государственными (муниципальными) предприятиями и учреждениями, целиком и полностью принадлежит собственникам в лице их компетентных органов. В данном случае коррупционный ряд представляется во множественности субъектов, в том числе на уровне субъектов федерации, муниципалитетов. Публичность действий органов государственной власти и местного самоуправления для минимизации коррупционных рисков в части контроля бюджетных отношений, требует разработки механизма, который бы установил не только надлежащий порядок учета средств, но и персонифицировал передачу средств во исполнение правовых актов, во избежание превышения должностных полномочий либо установления коррупционных договорных отношений.

2. В отличие от имущественных отношений, денежные средства, образующие бюджет Российской Федерации, бюджеты субъектов федерации, управляются соответствующими распорядителями бюджетных средств в рамках бюджетного процесса по правилам бюджетного законодательства Российской Федерации, в том числе кассовое обслуживание бюджетной системы Российской Федерации, предварительный и текущий контроль за ведением операций со средствами федерального бюджета, а также иные правопримени-

тельные функции по исполнению федерального бюджета возложены на Федеральное казначейство. Федеральное казначейство открывает в банках счета по учету средств федерального бюджета, устанавливает режимы счетов федерального бюджета, открывает и ведет лицевые счета распорядителей и получателей средств федерального бюджета, управляет операциями на едином счете федерального бюджета, подтверждает его денежные обязательства и совершает разрешительную надпись на право осуществления расходов федерального бюджета в рамках выделенных лимитов бюджетных обязательств [4]. В связи со сложной финансово-бюджетной ситуацией доходов федерального бюджета, часть средств федерального бюджета, рассчитанной при его планировании, поступает в стабилизационный фонд, который подлежит обособленному учету, управлению и использованию (гл. 13.1 Бюджетного кодекса РФ [1]). Средствами Стабилизационного фонда управляет Министерство финансов Российской Федерации (п. 5.3.9 Положения о Министерстве финансов Российской Федерации [5]). Примерно, такая же ситуация сложилась в субъектах федерации и муниципалитетах, где бюджеты постоянно изменяются, в зависимости от финансового благополучия, причем глава субъекта самостоятельно принимает решение, так как в бюджете эти средства не были учтены и не планировались их расходы. Таким образом, учет бюджетных доходов и расходов средств, во многом становится не прозрачным, минимизируются публичные отношения по вопросам обсуждения и утверждения бюджетов представительными органами власти и местного самоуправления, постоянное изменение параметров бюджетов не способствует обеспечению общественного контроля за расходованием средств. Публичность процесса установления имущественных отношений и бюджета требуют выработки определенности в полномочиях должностных лиц соответствующих уровней, выработки дополнительных регламентных условий их работы и контроля.

Среди других особенностей противодействия коррупции в финансовой бюджетной сфере следует отметить экспертизу на коррупциогенность нормативных актов, принимаемых в данной области. Следует разграничить нормативные акты, определяющие объемы и направления финансирования, в соответствии с бюджетным процессом, от непосредственно исполнительно-распорядительных актов по направлению средств отдельным субъектам. В этой части, во-первых, следует обратить внимание на финансирование государственной и муниципальной собственности из средств соответствующих бюджетов, а там, где усматривается софинансирование — указание

долей. В этой связи необходимо обратить внимание на следующие государственные полномочия: размещение заказов на поставку товаров, выполнение работ и оказание услуг для государственных нужд; осуществление государственного надзора и контроля; подготовка решений о распределении бюджетных ассигнований, субсидий, межбюджетных трансфертов, а также ограниченных ресурсов; организация продажи приватизируемого государственного и муниципального имущества, иного имущества, принадлежащего Российской Федерации, субъектам федерации и муниципалитетам, а также права на заключение договоров аренды земельных участков, находящихся в собственности; подготовка и принятие решений о возврате или зачете излишне уплаченных или излишне взысканных сумм налогов и сборов, а также пеней и штрафов; подготовка и принятие решений об отсрочке уплаты налогов и сборов; лицензирование отдельных видов деятельности, выдача разрешений на отдельные виды работ и иные аналогичные действия; проведение государственной экспертизы и выдача заключений; возбуждение и рассмотрение дел об административных правонарушениях, проведение административного расследования.

К «высокой» степени участия должностных лиц в осуществлении коррупционно-опасных функций следует отнести лиц, в должностные обязанности которых входит: право решающей подписи; подготовка и визирование проектов решений; участие в коллегиальных органах, принимающих решения; составление акта проверки, выдача предписания об устранении нарушений и контроль за устранением выявленных нарушений; непосредственное ведение реестров, баз данных, содержащих «коммерчески» значимую информацию. Критериями, характеризующими степень участия должностного лица, осуществляющего финансово-бюджетные полномочия, в осуществлении коррупционно-опасных функций, могут служить следующие действия: использование своих служебных полномочий при решении личных вопросов, связанных с удовлетворением материальных потребностей должностного лица либо его родственников; предоставление не предусмотренных законом преимуществ (протекционизм, семейственность) для поступления на государственную службу, на работу в государственную корпорацию; оказание неправомерного предпочтения физическим лицам, индивидуальным предпринимателям, юридическим лицам в предоставлении публичных услуг, а также содействие в осуществлении предпринимательской деятельности.

Признавая важность противодействия коррупции в финансовой сфере, законодатель определил полномочия всех органов государ-

ственного финансового контроля, выделил три группы органов государственной власти, осуществляющих государственный финансовый контроль: органы государственного финансового контроля законодательных и представительных органов власти, органы государственного финансового контроля исполнительных органов власти и подразделения внутреннего контроля исполнительных органов власти. Счетная палата Российской Федерации, а также контрольно-счетные палаты законодательных собраний субъектов федерации и муниципальных образований, которые осуществляют свои контрольные функции в пределах полномочий соответствующего уровня бюджетной системы. Вместе с тем, следует отметить, что коррупционные риски сосредоточены именно на уровне местного самоуправления, где счетные палаты бюджета силами депутатских групп либо комиссий, которые не обладают достаточной компетенцией, работают от случая к случаю, либо выполняют полномочия формально. Наоборот надзорные органы: Федеральная служба финансово-бюджетного надзора, Федеральное казначейство, финансовые органы субъектов федерации и муниципальных образований и (или) уполномоченные ими органы, главные распорядители, распорядители бюджетных средств, выполняя свои полномочия, имеют коррупционные риски, заложенные в должностовании гражданского служащего. В том числе, внутриведомственные контрольно-ревизионные отделы, управления и иные органы, выполняя свои задачи и полномочия, могут допускать «близорукость» при составлении планов проверок. Противодействие коррупции в сфере надзора и контроля поддерживается тем, что контрольные органы должны осуществлять контрольную деятельность строго в пределах своих полномочий, которые установлены законодательством России и иными нормативно-правовыми актами, не дублируя полномочия и не подменяя друг друга. Вместе с тем, практика показывает, что проверки объектов, возводимых на средства софинансирования, часто ставят органы контроля и надзора в затруднительное положение и не позволяют эффективно раскрывать сложные коррупционные схемы.

Вместе с тем органы финансового контроля за использованием средств бюджета, средств государственных внебюджетных фондов, включая использование предоставляемых из указанных бюджетов субвенций, межбюджетных и иных субсидий, бюджетных кредитов, а также материальных ценностей, находящихся в федеральной собственности, путем проведения ревизий и проверок, раскрыли

множество коррупционных схем и установили основания привлечения к уголовной, административной, дисциплинарной и гражданской ответственности. Бюджетный Кодекс РФ дополнен новыми главами 29 и 30 [1], статьи которых увязывают каждый вид бюджетных нарушений с бюджетными мерами принуждения за их совершение. Вместе с тем, требуется расширить перечень субъектов финансового контроля, самостоятельно исполняющих решения о применении бюджетных мер принуждения, тем самым сократив сроки реагирования на факты коррупционных правонарушений со стороны правоохранительных органов.

Иным фактором коррупционности можно рассматривать принцип эффективности использования бюджетных средств, означающий, что при составлении и исполнении бюджетов участники бюджетного процесса в рамках установленных БК РФ должны исходить из необходимости достижения заданных результатов с использованием наименьшего объема средств (экономности) и (или) достижение наилучшего результата с использованием определенного бюджетом объема средств (результативности). При этом следует отметить, что более детальное нормативное регулирование вопросов эффективности использования бюджетных средств, в частности, для целей ее оценки в ходе осуществления государственного финансового контроля уполномоченными органами, в том числе применительно к конкретной расходной ситуации, в настоящее время практически отсутствует. Законодателю требуется дать определение понятию «эффективность использования бюджетных средств», а если это нарушение бюджетного законодательства — «неэффективное использование бюджетных средств». Таким образом, из толкования существующих норм не представляется возможным оценить достигнутый результат, зачастую связанный с качеством выполненных работ и услуг. Это затрудняет квалификацию и доказывание неэффективного использования бюджетных средств как бюджетного нарушения, а, следовательно, значительно сокращает возможности защиты интересов государства и граждан, что приводит к изменению квалификации состава коррупционного правонарушения. Автор полагает, что определение понятия «неэффективное использование бюджетных средств» и введение его в состав преступлений коррупционной направленности, сможет избавить государство от ряда коррупционных схем, будет способствовать противодействию коррупции в целом.

В настоящее время требуются новые подходы, позволяющий обеспечить надлежащее **противодействие коррупционным**

финансовым операциям, повышение прозрачности финансовой деятельности хозяйствующих субъектов и совершенствование механизмов, обеспечивающих надлежащий контроль за законностью принятых бюджетов и их исполнением.

Таким образом, определение особенностей проявления коррупции в области финансово-бюджетной сферы позволит устранить коррупционные риски, повысить уровень открытости деятельности органов, уровень эффективности внутреннего контроля за служебной деятельностью должностных лиц, минимизирует возможности проникновения на государственную службу лиц, преследующих противоправные цели, возникновения конфликта интересов на государственной службе, позволит создать условия и обеспечит участие институтов гражданского общества и граждан в реализации антикоррупционной политики и систему неотвратимости ответственности за виновные деяния, которые привели к неэффективному и нецелевому использованию бюджетных средств.

Меры принуждения, которые перечислены в ст. 282 БК РФ [1], относятся к мерам финансовой ответственности, нарушения бюджетного законодательства могут повлечь за собой применение и мер юридической ответственности, и других мер принуждения, не имеющих характера наказания.

Причем, предупреждение о ненадлежащем исполнении бюджетного процесса является мерой превентивного характера, указывающей о недолжном поведении, незначительном нарушении бюджетного законодательства. Предупреждение могут выносить руководители органов Федерального казначейства и их заместители, руководители органов, исполняющих бюджеты субъектов РФ и местные бюджеты, и их заместители.

Возможно и другое средство, как блокировка расходов, которая представляет собой сокращение лимитов бюджетных обязательств. Данная мера ответственности представляет собой невозможность использовать выделенные средства бюджета, причем применяется на любом этапе исполнения бюджета.

Применяется также изъятие бюджетных средств, которое носит праввосстановительный и предупредительный характер, чтобы средства бюджета, имеющиеся у органа или организации, которые допустили нарушение, не были растрочены в дальнейшем. Например, изъятие в бесспорном порядке бюджетных средств, использованных не по целевому назначению, предусмотрено в ст. 289 БК РФ [1] как санкция за выявленный факт нецелевого использования бюджетных средств. Аналогичной мерой представляется право приостанавливать

операции по счетам кредитных организаций. Данная мера заключается в том, что уполномоченные органы имеют право приостанавливать текущие операции организаций и учреждений, использующих денежные средства федерального бюджета.

Самой распространенной санкцией за нарушение бюджетного законодательства является мера принуждения в виде штрафа. Взыскание штрафов проводится в соответствии с законодательством об административных правонарушениях. Согласно ст. 15.14 КоАП РФ [3], использование бюджетных средств получателем бюджетных средств на цели, не соответствующие условиям получения указанных средств, определенным утвержденным бюджетом, бюджетной росписью, уведомлением о бюджетных ассигнованиях, сметой доходов и расходов либо иным документом, являющимся основанием для получения бюджетных средств, если такое действие не содержит уголовно наказуемого деяния, влечет за собой наложение административного штрафа на должностных лиц и на юридических лиц.

В БК РФ, где наказание определено в виде штрафа, содержится отсылка к КоАП РФ, а штраф является единственной мерой принуждения, применяемой к нарушителям бюджетного законодательства в судебном порядке.

К иным мерам, указанным в БК РФ, следует отнести, например, взыскание неиспользованных межбюджетных трансфертов, предоставленных из федерального бюджета, а также меры принуждения, предусмотренные в законах о бюджете. Составы бюджетных правонарушений указаны в ст.ст. 283, 289-306 БК РФ [1]. Однако, БК РФ детально не регламентирует процесс привлечения к финансовой ответственности, который регулируется в основном на подзаконном уровне. В случае выявления нарушений бюджетного законодательства подразделения Федеральной службы финансово-бюджетного надзора выносят предписания, которыми применяются меры финансовой ответственности за бюджетные правонарушения.

В КоАП РФ закреплены составы нарушений бюджетного законодательства: нецелевое использование бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов (ст. 15.14 КоАП РФ [3]); нарушение срока возврата бюджетных средств, полученных на возвратной основе (ст. 15.15 КоАП РФ [3]) и нарушение сроков перечисления платы за пользование бюджетными средствами (ст. 15.16 КоАП РФ [3]). При этом в гл. 28 БК РФ [1], содержащей описание основных видов нарушений бюджетного законодательства, возможность применения административной ответственности предусмотрена для 18 нарушений. Однако, в действительности

административная ответственность предусмотрена только в отношении трех из них.

В качестве меры административной ответственности за совершение нарушений бюджетного законодательства выступает административный штраф. Он установлен в твердых денежных суммах и является лишением имущественного характера, которое обязан претерпевать нарушитель.

Специфику уголовной ответственности за нарушения бюджетного законодательства составляет то, что ее фактическим основанием является преступление, т. е. виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное Уголовным кодексом РФ под угрозой наказания. Уголовный кодекс РФ устанавливает ответственность за нецелевое использование бюджетных средств (ст. 285.1 УК РФ [6]) и за нецелевое использование средств государственных внебюджетных фондов (ст. 285.2 УК РФ [6]).

Список литературы:

1. Бюджетный Кодекс Российской Федерации / [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://base.garant.ru/> (дата обращения 10.09.14).
2. Гражданский Кодекс РФ (часть первая, часть вторая) / [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: <http://base.consultant.ru/> (Дата обращения 20.09.2014).
3. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации / [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru/> (Дата обращения 20.09.2014).
4. «О Федеральном казначействе» Постановление Правительства РФ от 01.12.2004 г. № 703 / [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://base.garant.ru/12137879/> (дата обращения 10.09.14).
5. «О Министерстве финансов Российской Федерации» Постановление Правительства РФ от 30.06.2004 г. № 329/ [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://femidarf.ru/base/12136348/index.htm> (дата обращения 10.09.14).
6. Уголовный Кодекс Российской Федерации / [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru/> (Дата обращения 20.09.2014).

СЕКЦИЯ 3.

ГРАЖДАНСКОЕ, ЖИЛИЩНОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

ОБЩЕЕ ПОНЯТИЕ УБЫТКОВ В ТЕОРИИ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА РОССИИ

Вахрамеева Юлия Юрьевна

*бакалавр НАЧОУ ВПО «Современная Гуманитарная Академия»,
РФ, г. Москва*

E-mail: jvachrameeva@gmail.com

COMMON TERM OF DAMAGES IN THEORY OF CIVIL LAW

Vakhrameeva Yulia

*bachelor of The “Modern Academia for Humanitaries”,
Russia, Moscow*

АННОТАЦИЯ

В статье дается ретроспективный анализ происхождения понятия «убытки» как категории гражданского права, сравнивается правовая категория «убытки» со смежными категориями «вред» и «ущерб».

ABSTRACT

At this article gives retrospective analysis of the origin of term «damages» as a category of civil law, compares law category «damages» with categories “harm” and “injury”.

Ключевые слова: убытки; вред; ущерб.

Keywords: damages; harm; injury.

Особенностью взыскания убытков в российском праве является отсутствие возможности получения компенсации сверх доказанного повреждения имущества и расходов, непосредственно вызванных нарушением договора. После многолетних споров судебной практикой

все же стали признаваться расходы на судебных представителей расходами, связанными с восстановлением нарушенного права (при этом вопрос о размере полученной компенсации по отношению к реально понесенным затратам остается открытым). Доказывание упущенной выгоды является остается сложным, и тем более, обоснование ее размеров. Если же в результате нарушения договора хозяйствующему субъекту причинены убытки, размер которых экономически обосновать невозможно, истец не получит никакой компенсации, что безусловно не соответствует принципу полного возмещения убытков. Причины возникновения описанной правовой ситуации вытекают из особенностей понимания термина «убытки».

Историческая ретроспектива

Институт убытков стран романо-германской семьи права, в том числе и российского права, в основном является результатом рецепции римского права. Упоминание убытков как формы ответственности встречается в законах XII таблиц, при этом сначала ответственность несла личный характер, а кредитор получал значительную власть над личностью должника. Впоследствии, в результате принятия закона Петелия (*lex Poetelia Papiria*) в 326 г., запрещено было убийство должника, продажа его в рабство или любая иная форма расправы кредитора над должником [4, с. 86, 469]. Со временем ответственность становится имущественной, и закрепляется в таком качестве, что очевидно, более удовлетворяло нужды общества.

Основанием возникновения имущественной ответственности по римскому праву являлась вина должника (*culpa*). Выделялось две формы вины: умысел (должник способен предвидеть последствия своего поведения и желает их наступления) и небрежность (должник должен предвидеть последствия, но не предвидел) [4, с. 447]. Как отмечает И.Б. Новицкий, римское право ввело императив наступления ответственности за умышленное неисполнение обязательства, от формы небрежности зависел размер возмещения [12, с. 151—153]. Несмотря на это, предусматривался также случай наступления ответственности должника без его вины — *custodia*, или охрана (сохранность) вещи третьего лица [4, с. 448]. Ответственность за убытки возникала как из договора, так и при совершении деликта.

Первоначально убытки кредитора оценивались исходя из реальной стоимости вещи, но с развитием права римские юристы пришли к пониманию убытков как разницы между предположительным состоянием имущества кредитора, которое наступило бы, если бы обязательство было исполнено должным образом (деликт не совершен) и фактическим состоянием имущества кредитора. Такая

разница получила название “interesse” [13, с. 371—372]. Это понятие включало как реальный ущерб, возникший у кредитора, так и упущенную выгоду, которую кредитор мог бы получить, если бы обязательство было исполнено надлежащим образом (деликт не был бы совершен).

Существовали и рамки, приводящие размер возмещения к справедливой оценке. В частности, не принималась во внимание особенная ценность вещи для кредитора, а также отдаленные убытки кредитора. Как правило, возмещение убытков происходило при непосредственной связи факта неправомерного поведения должника и возникшего ущерба кредитора. Если же ущерб не был прямо связан с самим фактом неправомерного поведения, то такой ущерб признавался убытками только при наличии у должника умысла). Необходимо отметить, что возмещались убытки имущественного характера, вопрос о том, возмещались ли убытки личного неимущественного характера остается открытым [12, с. 191].

Русское право подробно регулировало вопросы гражданско-правовой ответственности за нарушение обязательств. Для возникновения ответственности, как свидетельствовал Г.Ф. Шершеневич, необходимо было наличие недозволенного действия, нарушающего чужое субъективное право причинением имущественного вреда [18, с. 392]. Такое действие должно быть именно недозволенным, то есть запрещенным объективным правом, при этом такое правонарушение должно было иметь своим последствием причинение имущественного вреда. Важнейшее значение имело наличие вины, умышленной или неосторожной. Ущерб по русскому законодательству возмещало только виновное лицо. Случайное причинение вреда не влекло за собой возмещение вреда и убытков. Однако формы безвиновной ответственности все-таки были известны русскому праву. Это так называемая ответственность за других: при осуществлении надзора за другими лицами, при исполнении поручений других лиц, при соучастии, когда имущество виновника перешло по наследству [18, с. 388—390]. Русское законодательство испытывало определенные трудности при исчислении величины вознаграждения со стороны виновника вреда за компенсацию понесенных потерпевшим убытков. Дело в том, что объем ответственности виновного определялся не степенью его вины, а размером причиненного ущерба. Под ним понимались только имущественные убытки, но не нравственный вред. Однако упущенная (потерянная) выгода приравнивалась к понятию убытков и подлежала возмещению,

если будет доказано влияние правонарушения на отдаленные, косвенные убытки.

В целом, дореволюционные российские цивилисты, опираясь на постулаты римского частного права, под убытками понимали «вред, понесенный имуществом, и состоящий в уменьшении его ценности» [18, с. 396]. К.П. Победоносцев отмечал, что убыток составляет «всякое ухудшение, уменьшение ценностей и сил, всякая порча по имуществу» [11, с. 545]. Д.И. Мейер указывал, что «уменьшение или уничтожение ценности права называется убытком или ущербом» [8, с. 216].

В советский период подход не изменился, предлагалось даже сузить понятие убытков — некоторые советские правоведы были склонны вообще отказаться от упущенной выгоды как бессмысленной для предприятий плановой экономики [2, с. 114].

Понятие убытков в настоящее время

В современный период тенденция определения убытков через категорию имущественного вреда сохраняется. В частности, О.Н. Садилов отмечает, что «термин «убытки» используется для обозначения разнородных имущественных потерь...» [14, с. 12]. В ГК РФ фактически не дается определения убытков, а перечисляется то, что может быть отнесено к убыткам, это: расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода).

Тем не менее, в последнее время в научном сообществе признается необходимость изменения сложившегося понимания убытков. Например, В.В. Витрянский определяет убытки более широко: «Смысл возмещения убытков заключается в том, что в результате имущество кредитора должно оказаться в том положении, в каком оно находилось бы в случае, если бы должник исполнил обязательство надлежащим образом» [1, с. 637]. Эта точка зрения поддерживается А.В. Томсиновым [15, с. 26]. В.В. Витрянский, ссылаясь на Комментарии к ст. 1654 книги V проекта Гражданского Уложения, указывает на то, что суть возмещения убытков была выражена в проекте следующим образом: «...поставить верителя в то же имущественное положение, в каком он находился бы, если бы обязательство было исполнено» [1, с. 641].

Таким образом, в настоящее время в правовой доктрине выделяются два подхода к определению убытков. С одной стороны,

необходимо определить разницу между денежной стоимостью имущества кредитора до нарушения должником обязательства и после него. С другой стороны, нужно поставить имущество кредитора в такое положение, как если бы обязательство было исполнено должником надлежащим образом. Отметим, что второй подход представляется более перспективным для практического применения, и используется в странах англо-американской системы права [15, с. 18].

Убытки и смежные правовые понятия

К сожалению, прямое обращение к нормативным актам, как и научные исследования, построенные на основе текстов законов, не дают представления о соотношении понятий «вред», «ущерб» и «убытки», так как законодатель использует их все как синонимы или сходные понятия. Попытки правоведов исследовать эти термины через семантику или словари приводят только к тому, что все три понятия определяются друг через друга, и в настоящее время до сих пор нет единого мнения, что же такое вред, убытки и ущерб, и как они соотносятся друг с другом. Некоторые авторы находят, что все эти категории являются синонимами [9, с. 281] или равнозначными терминами [14, с. 9]. Такая точка зрения представляется спорной, так как даже в ГК РФ используется понятие «вред» и как для имущественной, так и для неимущественной сферы, что позволяет предположить, что все-таки это не синонимы. Напротив, О.С. Иоффе [7, с. 100], В.В. Витрянский [1, с. 637], считают, что эти понятия отделены друг от друга, являются самостоятельными, родовыми [18, с. 611]. Часто для обозначения неимущественных потерь в цивилистике применяется термин «вред», в то время как понятие «убытки» используется скорее для имущественных. Отмечается также [10, с. 9—10], что понятие «вред» является межотраслевой категорией права, тем не менее легального определения понятия «вред» ни в одной из отраслей не существует. В целом, вред как общая категория гражданского права, представляет собой любое умаление (повреждение, порчу, уничтожение) охраняемого законом блага, и делится на две составляющие: имущественный вред и неимущественный вред. Причинение имущественного вреда должно влечь за собой имущественную ответственность, а причинение неимущественного вреда — соответственно, неимущественную. При этом замена одного вида ответственности другим невозможна в силу компенсационной функции гражданско-правовой ответственности, что не исключает дополнение одного вида ответственности другим.

В ГК РФ понятие «вред» используется в основном применительно к деликтам, тогда как «убытки» - к договорным обязательствам. При этом убытки — это потери, выраженные в денежной или натуральной форме, причинами которых послужили такие основания, как: умышленное нарушение субъективных гражданских прав (деликт), неосторожная вина или правомерное поведение стороны по обязательству.

Понятие «ущерб» традиционно является составной частью понятия «убытки» (если речь идет об имущественном вреде), в частности, в ч. 2 ст. 15 ГК РФ прямой действительный ущерб указан в составе убытков. В частности, и Уголовный [17], и Трудовой [16] Кодексы РФ используют понятие «материальный ущерб», в то время как Гражданский Кодекс РФ [3] — «реальный ущерб».

Изложенное позволяет предположить, что понятие «вред» по отношению к понятиям «убытки» и «ущерб» является более широким и отраслевым, и отсутствие убытков у кредитора вовсе не означает, что вред не причинен. Например, в результате ненадлежащего исполнения договора имущество кредитора не пострадало, но он лишился доходов, на которые рассчитывал, исходя из того, что договор будет исполнен.

В качестве заключения выделим несколько особенностей, присущих понятию «убытки» в российском гражданском праве.

Во-первых, российская правовая система в общем восприняла понятие «убытки» в более узком значении, чем оно было присуще римскому праву, то есть убытки фактически приравнены к понятию «имущественный вред». Во-вторых, понятие «убытки» смешивается с понятием «ущерб» и «вред», и эти термины часто признаются синонимами, что является следствием упрощенного определения убытков через категорию имущественного вреда. В-третьих, такой подход приводит к невозможности на практике взыскать упущенную выгоду (несмотря на то, что она включается в состав убытков), если истец не может определить упущенную выгоду в денежном выражении.

Для преодоления сложившейся тенденции недостаточно просто внести очередные изменения в текст закона. Необходима проработка и расширение общего определения убытков как принципа, подхода к ним как к компенсации за нарушение договора.

Список литературы:

1. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. М.: Статут, 2002 г. — 848 с.

2. Венедиктов А.В. Договорная дисциплина в промышленности. Л. 1935. — 212 с.
3. Гражданский Кодекс Российской Федерации // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс». — Последнее обновление 21.09.2014.
4. Гражданское право / Под ред. Е.А. Суханова. Том I. М.: Волтерс Клувер, 2004. — 584 с.
5. Дождев Д.В. Римское частное право. Учебник для вузов. М.: Издательская группа ИНФРА М-НОРМА, 1997. — 704 с.
6. Евтеев В.С. Возмещение убытков как вид ответственности в коммерческой деятельности. М.: Зерцало-М, 2005. — 184 с.
7. Иоффе О.С. Обязательственное право. М.: Юридическая литература, 1975. — 872 с.
8. Мейер Д.И. Русское гражданское право. М.: Статут, 1997. — 290 с.
9. Мякина А.В. Ограничение размера возмещаемых убытков в гражданском праве Российской Федерации // Убытки и практика их возмещения: Сборник статей. — С. 278—328.
10. Пешкова О.А. Соотношение понятий «вред», «убытки», «ущерб» // Мировой судья. — 2010. — № 7. — С. 7—11.
11. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. М.: Зерцало, 2003. — 608 с.
12. Римское право / И.Б. Новицкий; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Центр общественных наук. М. Ассоц. «Гуманит. знание»: ТОО «ТЕИС», 1995. — 245 с.
13. Римское частное право / Под ред. И.Б. Новицкого и И.С. Петерского. М.: КноРус, 2014. — 608 с.
14. Садиков О.Н. Убытки в гражданском праве Российской Федерации. М.: Статут, 2009. — с. 221.
15. Томсинов А.В. Понятие договорных убытков в праве Англии, США и России: Монография. М.: Зерцало-М, 2010. — 184 с.
16. Трудовой Кодекс Российской Федерации // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс». — Последнее обновление 21.09.2014.
17. Уголовный Кодекс Российской Федерации // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс». — Последнее обновление 21.09.2014.
18. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М.: Фирма «СПАРК», 1995. — 556 с.

СЕКЦИЯ 4.

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

ПОПЫТКА РЕФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЫ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ФИНЛЯНДСКОМ В 90-Е ГОДЫ XIX В.

Александрова Анжела Евгеньевна
старший преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин Северного филиала
Российской правовой академии Минюста России,
РФ, г. Петрозаводск
E-mail: angela10.a@mail.ru

THE ATTEMPT OF CIVIL SERVICE REFORMS IN PRINCIPALITY OF FINLAND IN THE NINETIES OF XIX C.

Aleksandrova Angela
senior lecturer at the state and legal department
of North Branch Russian Legal Academy Ministry of Justice,
Russia, Petrozavodsk

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается проблема проведения одной из унификационных реформ Александра III в Великом княжестве Финляндском.

ABSTRACT

In the article considers the problem attempt of civil service reforms in the Grand Duchy of Finland.

Ключевые слова: унификационные реформы Александра III; государственная гражданская служба Великого княжества Финляндского.

Keywords: the unification reforms of Alexander III; the civil service of the Grand Duchy of Finland.

К восьмидесятым годам XIX в. Россия закончила собирать земли в Империю, начатое еще при Иване IV. В ходе этого процесса многим из обретенных Россией территорий была предоставлена национальная или государственная автономия. Например, в XIX в. ею в той или иной степени обладали Украина, Молдавия, Грузия, Лифляндия, Курляндия, Эстляндия, Царство Польское и Великое княжество Финляндское. Последние два автономных образования в максимальной степени пользовались благами ассиметричной государственной автономией, обладая собственной территорией, парламентом, правительством (хотя так официально не именовавшимися) бюджетом, валютно-финансовой системой, вооруженными силами и т. п.

Подобная политика, дававшая максимальный эффект лояльности местной элиты новой центральной власти, в итоге привела к размытости связи автономных территорий с центром, отсутствию однообразия управления огромной территорией Российской империи, к слабой эффективности реализации управленческих решений центрального правительства на местах. В свете этого Александр III решил укрепить монолитность Империи и попытался провести ряд реформ, направленных на унификацию статуса автономий, на улучшение их управляемости. В тех местах, где национальный суверенитет еще не сформировался, эти преобразования прошли относительно гладко, где же он сформировался и пустил глубокие корни (как в Великом княжестве Финляндском), реформы натолкнулись на хорошо организованное стойкое сопротивление и были парализованы.

Те привилегии государственной автономии Финляндии, которые прежде были пожалованы ей русскими царями, а затем с течением времени вошли в противоречие с интересами Империи, получили в российской печати того времени наименование «финляндский вопрос». Это понятие также включало в себя и проблемы с государственной гражданской службой в Княжестве.

Государственную гражданскую службу Великого княжества Финляндского стали активно обсуждать в русской прессе с националистическим уклоном еще до образования созданных по указу Александра III унификационных комитетов [4, с. 169]. Этой службой живо интересовался видный деятель и знаток Финляндии — Ордин К.Ф. (ок.1835—1892 гг.), который купив имение в Выборгской губернии, тогда находившейся в Великом княжестве Финляндском,

и возмущенный тяжелым положением российских подданных в Княжестве писал статьи об этой провинции Российской империи и размещал их в издании «Московские Ведомости» [4, с. 169].

В Финляндии на государственную гражданскую службу могли принимать только финнов, что было отражено в Основном законе Княжества унаследованном им от Швеции: Форме Правления 1772 г. [7, с. 30—31]. Согласно Постановлению Сената Финляндии «О пассажирских пароходах» на пароходах могли служить только финляндские граждане, иностранных подданных не принимали [1, с. 10]. В своих статьях К.Ф. Ордин отмечал, что возникала такая ситуация, когда финляндские моряки могли дослужиться до высоких чинов, а российских подданных не допускали к службе даже на малые суда [6, с. 276].

Ордин К.Ф., считал, что если Россия присоединила к себе часть территории Швеции в ходе войны 1809 г., то все государственные институты Империи должны быть идентичны и в Княжестве, а также не проводить дискриминацию между коренным населением Финляндии и российскими подданными [6, с. 60].

Такое униженное положение российских подданных вызывало возмущение не только среди националистических течений в Империи, но и вела к активной реакции общеимперского правительства.

Чиновничество Великого княжества Финляндского скорее всего не рассматривало себя как истинных подданных Российской империи и потому не стремилось к выполнению распоряжений, поступавших из Канцелярии Его Величества, а также других государственных органов Империи. Это также вызывало недовольство в определенных кругах в России и находило свое отражение в прессе. «В течение 1891—1892 гг. "Московские Ведомости" не раз ставили вопрос о проверке лояльности всех финляндских чиновников» [4, с. 171].

В июле 1891 г. выходит в свет Постановление Его Императорского Величества, по которому все финляндские чиновники должны владеть русским языком [2, с. 2]. Этот нормативный акт вызвал бурю обсуждений в газетах Финляндии, но на практике не был реализован.

Вслед за вышеуказанным Постановлением выходит новый Акт, по которому уже именно служащие полиции, таможи, железной дороги и судебных органов должны были иметь навыки русского языка [3, с. 3]. Связано это было с тем, что наметился рост российских подданных, которые приобретали недвижимость в Княжестве, охотно путешествовали по нему и вели бизнес, соответственно россиянам необходимо было обслуживание на родном для них языке. «Активация процесса приобретения дачных участков и дачного строительства

в Финляндии содействовало высочайшее постановление от 16 февраля 1891 г., согласно которому российским подданным, кроме евреев, было дано право свободно приобретать в Великом княжестве Финляндском недвижимое имущество и владеть им» [5, с. 43]. Постановление Его Императорского Величества относительно знания русского языка среди служащих в Великом княжестве Финляндском от 07.12.1891 г. предоставляло льготное положение тем служащим, которые владели русским языком. Они могли раньше получать повышение в чине и раньше выйти на пенсию [3, с. 1] Опять, несмотря на приток денежных средств в Финляндию и льгот, активного стремления изучать русский язык среди служащих Княжества не последовало.

С точки зрения защитников финляндской автономии и национальной государственности Постановление относительно распространения знания русского языка среди служащих Великого княжества Финляндского от 07.XII.1891 г. содержало интересные детали. Во время проведения конкурса на замещение вакантной должности чиновника любому претенденту, даже стороннику защиты национально-государственной идеи, могло прийти в голову добавить к своему заявлению документальное подтверждение своих успехов в русском языке и победить [3, с. 5]. Таким образом, интерес к русскому языку среди чиновников увеличивался бы, что могло ослабить их способность к защите автономии Финляндии. Фенноманская партия опасалась, что если служащие Финляндии выучат русский язык, то впоследствии он мог бы стать и государственным языком Великого княжества Финляндского. Эти опасения были напрасны, так как слабое преподавание языка в школах не приводило к его хорошему знанию.

Реформирование государственной службы Великого княжества Финляндского могло бы иметь успех, если бы оно имело постепенный поступательный характер, существенно не затрагивая интересы местной чиновной элиты. Кроме того нужна была предварительная высокоэффективная пропаганда полезности и необходимости предлагавшихся реформ для местного населения.

Список литературы:

1. Высочайшее Его Императорского Величества Постановление «О пассажирских пароходах» от 27.03. 1890 г.//Собрание Постановлений Великого княжества Финляндского.1890 № 13.

2. Высочайшее Его Императорского Величества Постановление «О некоторых изменениях порядка дел и замещения должностей в высших правительственных учреждениях Великого княжества Финляндского» от 19.07.1891 г.//Собрание Постановлений Великого княжества Финляндского. 1891 № 27.
3. Высочайшее Его Императорского Величества Постановление относительно распространения знания русского языка среди служащих в Великом княжестве Финляндском от 07.12.1891 г.//Собрание Постановлений Великого княжества Финляндского. 1891 № 39.
4. Дусаев Р.Н., Ревнова М.Б. Финляндия от Александра I до Александра III (историко-правовой очерк). СПб.: 2012. — 277 с.
5. Мусаев В.И. Русские дачи на Карельском перешейке в конце XIX — нач. XX века //История Петербурга. 2005 № 4 (26).
6. Ордин К.Ф. Собрание сочинений по финляндскому вопросу. Т. I. СПб.: 1908. — 378 с.

СЕКЦИЯ 5.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И МУНИЦИПАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ

ПОДГОТОВКА СЛУЖАЩИХ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ТАМОЖЕННОЕ ДЕЛО» НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ, РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ, РЕСПУБЛИКА КАЗАХСТАН, РЕСПУБЛИКА АЗЕРБАЙДЖАН, ЛИТВА

Коровяковский Денис Геннадьевич

*канд. юрид. наук, доцент заведующий кафедрой
«Таможенное право и организация таможенного дела»
Юридического института Московского государственного
университета путей сообщения (МИИТ),
РФ, г. Москва
E-mail: sirah13@mail.ru*

PREPARATION OF EMPLOYEES IN THE SPECIALTY «CUSTOMS AFFAIRS» ON POST-SOVIET SPACE: RUSSIAN FEDERATION, REPUBLIC OF BELARUS, REPUBLIC OF KAZAKHSTAN, REPUBLIC AZERBAIJAN, LITHUANIA

Denis Korovyakovsky

*PhD, Associate Professor,
head of the «Customs Law organization and customs», Moscow State
Institute of Law University of Railway Engineering (MIIT),
Russia, Moscow*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются аспекты подготовки специалистов в области таможенного дела в странах постсоветского пространства. Автор рассматривает подготовку подобного рода специалистов в России, Республике Беларусь, Республике Казахстан, Республике Азербайджан и Литве. Автор предпринимает попытку выявить общие

черты в национальных моделях подготовки специалистов по специальности «Таможенное дело».

ABSTRACT

In article it's about some aspects of training of specialists in the field of customs affairs in the post-Soviet countries. The author considers the preparing of such specialist in Russia, Republic of Belarus, Republic of Kazakhstan, Republic Azerbaijan and Lithuania. The author makes an attempt to identify common features in national models of training of specialists in "Customs affairs".

Ключевые слова: Таможенное дело; Единое образовательное пространство; образовательное право; ЕврАзЭС; ЕС; Болонский процесс; INCU; Всемирная таможенная организация; университет; образование.

Keywords: Customs affairs; Uniform educational space; educational law; EurAsEC; EU; Bologna Process; INCU; World Customs Organization; university; education.

Образование в области таможенного дела с момента его появления как «самостоятельного вида образования» всегда было специфическим и делится на две составляющие: экономическую и правовую.

В 2003 году Россия подписала Болонскую декларацию (1999 г.) и вступила в Болонский процесс, который предполагает создание единого образовательного пространства, мобильность студентов, унификацию правового статуса российских и европейских образовательных организаций. Базой для Болонской декларации послужили университетская хартия Magna Charta Universitatum (Болонья, 1988 г.) и Сорбонская декларация — Совместная декларация о гармонизации архитектуры европейской системы высшего образования (1998 г.), в числе основных приоритетов выдвигающие идеи фундаментальных принципов единого европейского пространства и единой зоны высшего образования для развития европейского континента. Болонская декларация определяет интеграцию не только систем образования европейских государств, но и иных общественных институтов. В любом случае современное правовое регулирование образовательной системы требует обеспечения стабильности и преемственности законодательства об образовании. Обозначенные причины весьма наглядно показывают потребность систематизации и модернизации образовательного законодательства исходя из приоритетных направлений развития образования и образовательных

потребностей граждан и долгосрочной социально-экономической политики государства, в особенности для образования в области таможенного дела.

В 2005 году Всемирная Таможенная Организация приступила к систематизации многочисленных индивидуальных интересов и процессов в этой области с целью создания системы общих, мировых стандартов для профессионального развития таможенных менеджеров. Первоначальное предложение по данному вопросу было разработано при поддержке Университетской сети в 2006 при запуске программы Всемирная Таможенная Организация PICARD (Партнерство в области таможенных академических исследований и развития) и получило последующее развитие на второй конференции PICARD, которая состоялась 27—28 марта 2007. Параллельно с этим, при содействии программы PICARD, учебные заведения создали Международную сеть таможенных университетов (INCU) и богатый источник научной информации по таможенной отрасли, генерируемый с помощью Международного Таможенного Журнала. В настоящее время, в сотрудничестве с INCU, Всемирная Таможенная Организация завершила работу по группам стандартов, предназначенных для стратегических и оперативных таможенных менеджеров. В настоящее время учебные заведения могут вносить в свои учебные планы согласованные международными организациями стандарты, одновременно удовлетворяя национальным критериям аккредитации. Действительно, в мире существует несколько учебных заведений, которые уже инициировали пилотные программы, базирующиеся на этих новых стандартах.

В числе учебных заведений, с которыми подписаны договоры Всемирной Таможенной Организации, например, следующие:

- Рижский технический университет, Латвия;
- Университет Мюнстер, Германия;
- Центр таможенного и акцизного обучения, Университет Канберры, Австралия;
- Зайед Университет, Объединенные Арабские Эмираты;
- Факультет экономики, Университет Кирила и Мефодия, Скопье, бывшая Югославская республика Македония;
- Университет Гавр, Франция;
- Лидс Метрополитен Университет, Великобритания.

Активное участие в развитии специальных стандартов для подготовки специалистов по таможенному делу принимают государства на постсоветском пространстве, входящие в ЕврАзЭС и СНГ.

Россия. Национальная система таможенного образования в России требует необходимой корректировки в части политики интеграции таможенного образования в европейское образовательное пространство. Автор полагает, что Россия может стать участником Болонского процесса без ломки сложившейся системы образования и, что принципиально важно, без снижения достигнутого уровня образовательных стандартов. В частности, на двухуровневую систему таможенного образования можно было бы перейти, не отказываясь от оправдавшей себя модели специалитета, а, напротив, взяв ее за основу - в качестве первого (и, что очень важно, полноценного, признаваемого всеми работодателями) уровня таможенного образования. Вторым же уровнем станет в этом случае магистратура, как это и предусмотрено Болонскими стандартами. В России в области образования по таможенному делу есть в настоящее время только специалитет, как и во многих постсоветских государствах.

В России около 30 ВУЗов готовят служащих по специальности «Таможенное дело». Ведущую роль среди них занимает Российская Таможенная Академия ФТС РФ. В России ведется одноуровневая система подготовки специалистов по таможенному делу. Важнейшим условием совершенствования кадрового потенциала является эффективно действующая система подготовки кадров. Цель подготовки специалистов — это удовлетворение потребностей таможенных органов, поэтому следует поддерживать тесную связь системы подготовки кадров с таможенными органами. Такое взаимодействие необходимо в целях повышения эффективности профессионального образования и удовлетворения потребностей таможенной системы в компетентных специалистах и позволяет формировать содержание образовательных программ в соответствии с текущими и перспективными требованиями таможенных органов. В свою очередь, подготовка кадров по таким программам будет способствовать формированию профессионально подготовленного и динамично развивающегося кадрового потенциала таможенной службы.

Таможенные органы Российской Федерации играют важнейшую роль в обеспечении экономической безопасности страны. Впервые специальность «Таможенное дело» утверждена приказом Министерства образования Российской Федерации от 02.03.2000 № 686 [4]. Для качественной подготовки специалистов в области таможенного дела, и в последствие кадрового наполнения таможенных органов Российской Федерации высококвалифицированными специалистами были внесены изменения в систему подготовки специалистов

таможенного дела. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 8 ноября 2010 года № 1117 утвердил Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по специальности «Таможенное дело», квалификация специалист [5]. Данный стандарт прошел согласование с Федеральной Таможенной Службой РФ.

Республика Беларусь. Весьма полезен и важен опыт государств постсоветского периода, например Казахстана и Беларуси. Специальность «Таможенное дело» в последнее время в Республике Беларусь стала очень популярной. Высокий конкурс отчасти обусловлен тем, что эта специальность представлена не так широко, как хотелось бы. Выпускники данной специальности осуществляют профессиональную деятельность в соответствии с нормативными документами Государственного таможенного комитета Республики Беларусь: работают специалистами различного уровня в системе таможенного контроля и управления, а также специалистами по таможенному оформлению для субъектов хозяйствования.

Обучение проводится в следующих учебных заведениях:

- Белорусский государственный университет транспорта;
- Белорусский национальный технический университет;
- Белорусский государственный университет.

Республика Казахстан. В Республике Казахстан специальность «Таможенное дело» изучают более чем в 20 ВУЗах, в их числе:

- Казахский национальный университет им. аль-Фараби;
- Костанайский государственный университет имени А. Байтурсынова;
- Павлодарский государственный университет имени С. Торайгырова;
- Атырауский государственный университет имени Х. Досмухамедова;
- Казахский гуманитарно-юридический университет и другие.

В Республике Казахстан специальность «Таможенное дело» также относится к юридическим специальностям. Студенты и слушатели применяют профессиональные знания в практической деятельности по публично-правовым дисциплинам, включая административное, таможенное, налоговое, уголовное, уголовно-процессуальное, финансовое, страховое право и другие отрасли, а также по частно-правовым дисциплинам, включая гражданское, международное частное, предпринимательское, гражданско-процессуальное и другие отрасли права.

Республика Азербайджан. Азербайджанская Республика является весьма активным государством на постсоветском пространстве по подготовке специалистов по специальности «Таможенное дело». После восстановления независимости Азербайджанской Республики, Указом Президента, в январе 1992 года создан Государственный Таможенный Комитет Азербайджанской Республики. 24.01.2012 года Президент Азербайджана Ильхам Алиев подписал распоряжение об учреждении Академии Государственного таможенного комитета Азербайджанской Республики, в котором указано: «Руководствуясь пунктом 32 статьи 109 Конституции Азербайджанской Республики [2], в целях обеспечения подготовки высококвалифицированных кадров для Государственного таможенного комитета Азербайджанской Республики, повышения квалификации сотрудников и проведения научных исследований в области таможенного дела постановляю:» «Учредить на базе Учебного центра Государственного таможенного комитета Азербайджанской Республики высшее учебное заведение специального назначения — Академию Государственного таможенного комитета Азербайджанской Республики» [6].

Иностранцами стратегическими партнерами ГТК Азербайджана и в том числе Академии являются: Всемирная Таможенная Организация, Всемирная торговая организация (ВТО), Европейская экономическая комиссия ООН (UNECE), Экономическая и социальная комиссия для Азии и Тихого океана (ESCAP UN), Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Азиатский Банк развития (АБР).

Азербайджанская Таможенная Служба планирует укрепление сотрудничества в таможенной сфере, модернизацию, а также ряд мероприятий, направленных на повышение уровня профессионализма государственных служащих.

Литва. В статье 9 Закона «О таможене» Литвы отмечено, «Таможни выполняют исследовательскую работу с целью совершенствования таможенной деятельности» [1], что свидетельствует о широкой точке зрения на таможенную деятельность.

Автор полагает, проблема Литвы, как, впрочем, и у многих других государств постсоветского пространства — это формирование кадров в области таможенного дела. Закон ограничивается требованием, чтобы на таможенную службу принимались лица старше 20 лет, владеющие государственным языком и пригодные для службы. Государство приняло на себя обязательство обеспечить таможенников формой, гарантировать, чтобы «их неприкосновенность, честь

и достоинство защищали законы». Юридическая основа создания таможенной службы была заложена, однако вопросы администрирования человеческих ресурсов оставались открытыми. Понятие квалификации таможенника очень объемно. К должностному лицу таможи предъявляются общие и специальные квалификационные требования, а для соответствия им необходимы специалисты в области химии, юриспруденции, экономики, бухгалтерии, налогов и др., технические работники. Следовательно, надо было незамедлительно решать вопросы, связанные с подготовкой кадров [3].

С 1992 г. должностные лица таможи проходят обучение и повышают квалификацию в учрежденной в том же году Школе таможенного обучения (с 2001 г. — Центр таможенного обучения). Требования к профессии таможенника постоянно повышаются. Опыт западных стран с учетом служебных потребностей должностных лиц, основывается на традиционно сформировавшейся сложной системе обучения. Прежде всего, в государствах постсоветского пространства сталкиваются с требованиями принципа постоянного самосовершенствования в области таможенного дела. Это требование предъявляется к каждому должностному лицу в целях его постоянного стремления к квалифицированным профессиональным знаниям и навыкам, активного участия в воплощении стратегии таможенной службы Литвы, ее положений. По мнению автора Литва должна особенно много внимания уделять реформе администрирования таможи путем совершенствования институциональных и административных способностей с использованием человеческих ресурсов.

В западноевропейских странах традиционного сформировалось обучение должностных лиц путем воплощения принципа постоянного совершенствования. Страны создали своеобразные системы обобщения опыта, образования должностных лиц, повышения квалификации. Одна из проблем - условия таможенной деятельности имеют свою специфику по сравнению со странами-старожилами Европейского союза. Поэтому с целью повышения профессионализма таможенной деятельности в течение короткого периода и интеграции во Всемирную и Европейскую таможенную систему была необходима поддержка университетов.

С первых дней студенты по учебной программе «Право и таможенная деятельность» обучаются на дневном и заочном отделениях. На учебу принимаются лица со средним образованием. На заочное отделение, прежде всего, приглашаются работники таможенной службы. Во время поступления им предоставляется преимущество. Продолжительность обучения - четыре года. Успешно

окончившим учебу студентам присваивается степень бакалавра в области права, свидетельствующая о получении высшего юридического университетского образования и о профессиональной квалификации избранного направления обучения (или таможенная деятельность, или налоговая деятельность, или международная торговля и логистика).

Обучение можно продолжить в магистратуре по программе «Международная торговля», «Право и деятельность таможенных и налоговых органов», которое проходит на дневном и заочном отделениях [3].

Стратегические задачи, ориентирующие на модернизацию и совершенствование таможенной деятельности, направлены на процесс поднятия на более высокую ступень деятельности учреждений и их должностных лиц. Потребность в таможеннике с высшим профессиональным образованием — продиктована интеграционными процессами в таможенное сообщество стран Европейского союза и всего мира.

Обучение в области таможенного дела должно быть:

1. Гибким. Курс структурирован так, что не мешает выполнению профессиональных обязанностей. Сочетание ежемесячных семинаров и самостоятельной работы позволяет детально изучить содержание курса, избегая длительных периодов отсутствия на рабочем месте.

2. Практическим. Преподаватели для программы должны приглашаться из университетов, таможенных органов, частного сектора и международных организаций, тем самым предлагая разнообразие точек зрения. Во время осуществления прикладного проекта, студенты применяют знания, полученные во время семинаров и самообучения на рабочем месте на благо своих организаций — работодателей.

3. Компактным. Подготовка должна делиться на ежемесячные семинары, самостоятельную подготовку.

4. Выгодным. Работодатели будут непосредственно получать выгоду от специалистов по таможенному делу. Выпускникам по этой специальности придется использовать знания и навыки для принятия компетентных стратегических решений, которые принесут пользу их организации в долгосрочном периоде.

Особого внимания заслуживает международное таможенное сотрудничество, проводимое в рамках существования региональных учебных центров Всемирная Таможенная Организация. Привлекательность такого сотрудничества заключается в том, что оно

направлено на конкретные группы стран, регионы, где важен процесс регионального интегрирования.

В современном мире таможене предстоит решение сложных задач, поставленных глобализацией и инициативами в области содействия торговле, что потребует обновления профессиональных подходов к проблемам управления и функционирования таможенных служб.

Образование в области таможенного дела — понятие сложное, объемное, конкретно-историческое. Таможенник — носитель и хранитель национальной правовой культуры того или иного государства. Поэтому необходимо четкое понимание того, в каком направлении совершенствовать, реформировать образование в области таможенного дела. Ориентиром является в этом плане осознание того безусловного факта, что данное образование - важнейшая национальная ценность и конституционная цель современного демократического правового государства.

Список литературы:

1. Закон Литвы «О таможене» № IX-2183 от 27.04.2004 года /Ведомости Литовской Республики, 2004, № 73-2517.
2. Конституция Азербайджанской Республики от 12.11.1995 года (в ред. От 24.12.2008 года)/Сборник законодательства Азербайджанской Республики 31 июля 1997 года, № 1.
3. Лауринавичюс А. Подготовка таможенных специалистов в Литве: опыт и пути совершенствования. Беларусь в современном мире: материалы VIII Международной конференции, посвященной 88-летию образования Белорусского государственного университета, 30 октября 2009 г. / редкол.: В.Г. Шадурский [и др.]. Минск: Тесей, 2009. — 362 с.
4. Приказ Минобразования РФ от 02.03.2000 № 686 (ред. от 08.11.2000) «Об утверждении государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования»/ Официальные документы в образовании, № 7, 2000.
5. Приказ Минобрнауки РФ от 08.11.2010 № 1117 (ред. от 31.05.2011) «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки (специальности) 036401 Таможенное дело (квалификация (степень) «специалист»)). (Зарегистрировано в Минюсте РФ 08.12.2010 № 19139)/Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти, № 7, 14.02.2011 (федеральный государственный образовательный стандарт не приводится). Федеральный государственный образовательный стандарт публикуется на официальном сайте Министерства образования и науки Российской Федерации / [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.mon.gov.ru>. (дата обращения 25.08.2014).

6. Распоряжение Президента Азербайджанской Республики «Об учреждении Академии Государственного таможенного комитета Азербайджанской Республики» от 24.01.2012 года. Распоряжение опубликовано на официальном сайте Президента Азербайджанской Республики/ [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://ru.president.az/articles/4151> (дата обращения 25.08.2014).

СЕКЦИЯ 6.

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОНСЕРВАТИЗМА И НЕОКОНСЕРВАТИЗМА

Струсь Константин Александрович

*канд. юрид. наук,
доцент Северо-Кавказского федерального университета
(филиал) в г. Пятигорске,
РФ, г. Пятигорск
E-mail: konstantinstrus@gmail.com*

Багдасарова Нарина Гамлетовна

*магистрант кафедры теории и истории государства и права
(филиала) СКФУ в г. Пятигорске,
РФ, г. Пятигорск
E-mail: narina_bag@mail.ru*

COMPARATIVE CHARACTERISTIC OF CONSERVATISM AND NEOCONSERVATISM

Strus Konstantin

*the candidate of jurisprudence, the associate professor,
North Caucasian federal university (branch) in Pyatigorsk,
Russia, Pyatigorsk*

Bagdasarova Narina

*master of chair of the theory and history
North-Caucasian Federal University, of state and law (branch) North-
Caucasian Federal University in Pyatigorsk,
Russia, Pyatigorsk*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются основные принципы консервативных воззрений в современном обществе. Изучаются представления современных неоконсерваторов, выделяются и обобщаются основные различия консерватизма и неоконсерватизма.

ABSTRACT

In article the basic principles of conservative views in modern society are considered. Representations of modern neoconservatives are studied, the main distinctions of conservatism and neoconservatism are allocated and generalized.

Ключевые слова: консерватизм; неоконсерватизм; консервативные взгляды в современном обществе; отличие консерватизма от неоконсерватизма.

Keywords: conservatism; neoconservatism; conservative views in modern society; difference of conservatism from neoconservatism.

За время многовековой политической истории появилось множество политических доктрин, выражавших отношение к обществу, государству и его институтам общая суть которых сводится к различным формам консервативных и либеральных воззрений. «В условиях динамично развивающихся общественных отношений в каждом историческом периоде обозначились особенности понимания развития общества и государства» [5, с. 50]. Интересы научно-практической достоверности подтолкнули авторов к необходимости сравнения имеющихся положений консерватизма в прошлом и неоконсерватизма в настоящем.

В своём этимологическом значении категория консерватизм — это, «приверженность ко всему старому, отжившему» [3, с. 91]. Консерватизм (от лат. — сохранять, охранять, заботиться о сохранении) — политическая идеология и практика, ориентированная на сохранение исторически сложившихся форм государственной и общественной жизни, воплощённых в религии, государстве, семье, собственности [1, с. 88].

Одним из первых выразил идеи консерватизма Аристотель, используя наработки последнего, Э. Бёрк и М. Оукшотт сформулировали идеологию классического консерватизма. По мнению Э. Бёрка, событием, позволившим развиваться идеям консерватизма, явилась Французская революция 1789 года, явившая «максимум зла, способного причинить людям, лишенным правильного понимания своей природы и законов человеческого общежития». Основные

принципы консерватизма сведены к следующему: «1) человек есть существо религиозное, и религия образует основу гражданского общества» [3, с. 114]; «2) общество — продукт исторического развития, и его институты воплощают в себе мудрость предков; 3) человек как существо инстинкта, чувства и разума лучше руководим опытом, привычкой и предрассудками, нежели абстрактными теориями; 4) зло заключено в самой человеческой природе, а не в общественных учреждениях; сообщество есть форма защиты человека от самого себя и потому оно должно цениться выше индивида, а его права есть лишь следствие обязанностей; 5) люди от природы неравны и потому в обществе неизбежны различия, иерархия и право одних властвовать над другими; 6) наличный общественный строй необходимо оберегать, поскольку обычно попытки устранить зло ведут к причинению ещё больше зла, что вовсе не означает отрицание необходимости изменений» [6, с. 85].

В своих размышлениях по поводу вышеуказанных принципов М. Оукшотт замечает «предрасположенность к тому, чтобы быть консерватором в политике, вовсе не обязывает нас придерживаться этих верований в качестве истинных, ни даже предполагать, что они истинны» [8, с. 585]. Как отметил С. Хантингтон: «обнаружения консерватизма представляют собой просто параллельные идеологические реакции на сходные социальные ситуации. Содержание консерватизма по существу статично. Его проявления исторически изолированы и дискретны. Таким образом, как ни парадоксально, консерватизм, будучи защитником традиции, сам существует без традиции». Консерватизм — это призыв к истории, при этом сам консерватизм без истории [7, с. 469].

Консерватизм как идеология, принципиально не имеющая идеала совершенного общественного строя (не существует «консервативной утопии»), определяется Хантингтоном как «институциональная», т. е. выступающая в защиту наличных социальных институтов, когда они оказываются под угрозой, в отличие от «идеализированных» идеологий (либерализм и социализм), имеющих свой общественный идеал [7, с. 469]. В этой связи считаем предпочтительным понимание консерватизма как идеи, построенной на основе исторического своеобразия, как это сделал Н.О. Салливан, предложивший различать «реакционный», «революционный» и «умеренный» консерватизм, представленный соответственно Францией, Германией и Великобританией, США [9, с. 52]. Размышляя над высказываниями О. Салливана, Дж. Вайс, приходит к выводу о том, что после 1945

«история европейского консерватизма закончилась» [10, с. 153], с чем очень трудно согласиться.

На взгляд авторов, в современных условиях консерватизм не исчез, а рафинировался и предстал в более универсальном виде. Соглашаясь с мнением Ж. Грей, консервативные взгляды построены на следующих принципах: «1) человек — не представитель универсального человечества, а порождение конкретной культуры; 2) прогресс и непрерывное улучшение возможны, но бессмысленны; 3) культурные формы первичны по отношению к экономическим и политическим институтам» [11, с. 119]. Базовым элементом в понимании **консерватизма** является **установка на защиту традиционных устоев общественной жизни. Консерватизм ассоциируется с теми, кто выступает за унаследованные из прошлого моральные установки и нормы, противостоит радикальным реформам, выступает за сохранение сложившегося порядка.**

Таким образом, консерватизм — являет собой политическую идеологию, ориентированную на сохранение и поддержание исторически сформировавшихся морально правовых оснований, форм государственной и общественной жизни.

В отличие от консерватизма неоконсерватизм обозначен стремлением приспособлять традиционные ценности к реалиям современного постиндустриального общества. Неоконсерватизм (англ. *neoconservatism*) — получил распространение в США в начале 1970-х годов и связан с недовольством демократов участием в войне во Вьетнаме. Неоконсерваторы в отличие консерваторов поддерживают идеи свободного рынка, не возражают против вмешательства государства в жизнь общества, выступают против увеличения налогов. При этом последние, отстаивают сложившиеся духовные ценности, институты семьи, религии, морали, социальную стабильность, взаимную ответственность граждан и государства, уважение к правам человека. Как результат в развитых демократических государствах широко поддерживаются и продолжают расти сторонники партий, декларирующих идеи консерватизма, например в США (республиканская партия), в Японии (либерально-консервативная), Англии (консервативная) и др.

Актуализация неоконсерватизма в известной мере является откликом на глобальные изменения в мире. Известно, что неоконсерватизм — это своего рода иммунитет от разного рода «ускорений» и анархистской вседозволенности, обоснование принципов устойчивого развития, суверенитета и т. д. Интерес к неоконсервативной идеологии возрос, в частности, и вследствие кризиса неолиберализма.

Основные положения современной неоконсервативной идеологии сводятся к следующим аспектам:

1. деологический детерминизм, выраженный в необходимости пересмотра идейных консервативных доктрин, в связи с тем, что для участия в политической борьбе необходима конкретная программа действий и участие в дискуссиях;

2. признаются институты демократии, за отсутствием более совершенного способа правления;

3. признаётся амбивалентность природы человека, т. е. человек может быть и плохим и хорошим;

4. пропагандируется превосходство культурных форм (морали, нравственности) над экономическими, политическими, социальными;

5. осознаётся необходимость минимизации функций государства в экономической сфере, поддерживается социальная роль государства в оказании помощи малоимущим.

Таким образом, современный неоконсерватизм объединяет различные консервативные и либеральные идеи, концепции, продолжает развивать принцип о том, что власть является предпосылкой всех свобод, отдаёт первостепенное значение закону и порядку, авторитету и дисциплине. По мнению современных неоконсерваторов, «информационное общество» нуждается в повиновении и послушании, а государство для достижения этих целей вправе принимать необходимые меры. Показательным для неоконсерватизма является способность приспосабливаться к социально-экономическим и политическим изменениям. Как следствие, в настоящее время, неоконсерваторами приняты многие идеи и принципы либерализма, которые раньше отвергались, например, свободные рыночные отношения, конституционализм, система представительства и выборности органов власти, парламентаризм, политический и идеологический плюрализм. Сохранив приверженность господствующей религии, большинство неоконсерваторов восприняли рационализм и технократизм.

Важным направлением реформ неоконсерваторов выступает формирование гражданского общества, воплощающего в себе преемственность исторического прошлого и настоящего [4, с. 16]. Для противостояния негативным формам поведения в гражданском обществе они делают ставку на сильную власть и повышение её роли в системе экономических и внешнеполитических отношений.

Список литературы:

1. Бенуа А. Избранные идеи // Консерватизм в странах Запада. М., 1982. — С. 36.

2. Малько А.В., Струсь К.А. Правовые основы формирования гражданского общества в современной России (обзор материалов всероссийского научно-практического «круглого стола») // Государство и право. — 2011. — № 9. — С. 114.
3. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык. Т. 2. К-О. 1986. — С. 91.
4. Струсь К.А. Государство и гражданское общество: проблемы правового взаимодействия в России: Автореф. дисс... канд. юрид. наук. Саратов. 2003. — С. 16.
5. Струсь К.А. Эволюция представлений о содержании категории «правовые основы» // История государства и права. — 2013. — № 9. — С. 50.
6. Burke E. Reflections on the Revolution in France. L., 1790; рус. пер. 1992. — С. 85.
7. Huntington S. Conservatism as an Ideology. «The American Political Science Review», N.Y. — 1957. — № 51. — P. 469.
8. Oakeshott M. On Being Conservative. Kirk R. (ed.). The Portable Conservative Reader. N.Y. 1982. — P. 585.
9. O'Sullivan N. Conservatism. Eatwell R., Wright A. (eds). Contemporary Political Ideologies. L., 1993. — P. 52—53.
10. Weiss J. Conservatism in Europe 1770—1945. Traditionalism, Reaction and Counter-Revolution. L. 1977. — P. 173.
11. Gray J. Enlightenment's Wake. Politics and Culture at the Close of the Modern Age. L.-N.Y. 1997. — P. 119.

СЕКЦИЯ 7.

ТРУДОВОЕ ПРАВО И ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ СО СТОРОНЫ РАБОТНИКА

Власенко Мария Сергеевна

*канд. юрид. наук, доцент кафедры
гражданского и предпринимательского права
Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина,*

РФ, г. Елец

E-mail: vlasenkomaria@mail.ru

SOME ASPECTS OF ABUSE OF RIGHT ON THE PART OF EMPLOYEE

Maria Vlasenko

*candidate of Juridical Sciences,
associate professor of Department of Civil and Business Law,
Yelets State University named after I.A. Bunin,
Russia, Yelets*

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены проблемы злоупотребления правом в трудовых отношениях, проанализировано трудовое законодательство, а так же судебная практика по вопросам расторжения трудового договора по инициативе работодателя и недобросовестных действий работников в период увольнения. Выявлена необходимость установления права работодателя потребовать от работника возмещения ущерба, причинённого ему в результате злоупотребления работником трудовыми правами. На основе проведенного исследования автором дается определение злоупотребления правом в трудовых отношениях со стороны работника, выделяются признаки данного правового явления.

ABSTRACT

The article considers problems of abuse of right in labour relations; labour legislation as well as precedents connected with termination of employment agreement on the initiative of the employer and fraudulent actions of employees at a dismissal period have been analyzed. Necessity of establishment of employer's right to demand from employee a compensation of damage caused as a result of abuse of labour rights by employee has been determined. Based on the study conducted by the author a definition of abuse of right in labour relations on the part of employee is given; features of this legal phenomenon are highlighted.

Ключевые слова: злоупотребление правом; неправомерное увольнение.

Keywords: abuse of right; wrongful dismissal.

Заключая трудовой договор, работник, в соответствии со ст. 21 Трудового кодекса РФ [1], обязуется выполнять ряд требований, среди которых добросовестное выполнение своих трудовых обязанностей, соблюдение трудовой дисциплины и правил внутреннего трудового распорядка организации. Вышеперечисленные обязанности работника обычно конкретизируются в зависимости от характера и направления деятельности работодателя в правилах внутреннего трудового распорядка. Эти требования предъявляются ко всем работникам, работающим в конкретной организации. Их виновное неисполнение, в частности совершение прогула, может повлечь расторжение работодателем трудового договора в соответствии с подпунктом «а» пункта 6 части первой статьи 81 Трудового кодекса Российской Федерации, что является одним из способов защиты нарушенных прав работодателя. Исходя из анализа судебной практики, злоупотребление правом со стороны работника происходит в период его увольнения по инициативе работодателя.

Содержание понятия «злоупотребление правом» в трудовом законодательстве не раскрывается. В науке трудового права можно привести следующее определение данного правового явления: «Злоупотребление правом — деяние (действие или бездействие), совершаемое управомоченным субъектом трудового права с целью причинения вреда и (или) получения необоснованных преимуществ перед другими управомоченными субъектами трудового права при реализации возможностей, заложенных в нормативных правовых актах, с нарушением установленных данными нормативными правовыми актами целей» [2, с. 12].

Необходимо отметить, что в пункте 27 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» установлено: «При рассмотрении дел о восстановлении на работе следует иметь в виду, что при реализации гарантий, предоставляемых Кодексом работникам в случае расторжения с ними трудового договора, должен соблюдаться общеправовой принцип недопустимости злоупотребления правом, в том числе со стороны самих работников. В частности, недопустимо сокрытие работником временной нетрудоспособности на время его увольнения с работы.... При установлении судом факта злоупотребления работником правом суд может отказать в удовлетворении его иска о восстановлении на работе (изменив при этом по просьбе работника, уволенного в период временной нетрудоспособности, дату увольнения), поскольку в указанном случае работодатель не должен отвечать за неблагоприятные последствия, наступившие вследствие недобросовестных действий со стороны работника» [3, с. 9].

Таким образом, с учётом разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, злоупотребление правом со стороны работника в трудовых правоотношениях — представляет собой установленный в судебном порядке факт, указывающий на недобросовестные действия работника, направленные на получение необоснованных преимуществ перед работодателем, и влекущий за собой отказ в защите принадлежащих ему прав.

Рассмотрим некоторые примеры злоупотребления правом работника, получивших разную оценку на уровне высших судов Российской Федерации и в иных российских судах при разрешении трудовых споров.

В определении Верховного Суда РФ по делу № 69-КГ13-4 выводы суда о злоупотреблении истцом своим правом продлить отпуск в связи с временной нетрудоспособностью признаны неправильными [4]. Гражданка обратилась в суд с иском к работодателю о восстановлении на прежнем месте работы и взыскании заработной платы за время вынужденного прогула с момента увольнения по день восстановления на работе. Судом установлено, что на основании заявления работнице был предоставлен ежегодный оплачиваемый льготный отпуск продолжительностью 22 календарных дня с 23 июля 2012 г. по 13 августа 2012 г. Приказом от 9 июля 2012 г. на основании заявления также был предоставлен отпуск без сохранения заработной платы в количестве 4 календарных дней с 14 августа 2012 г. по 17 августа 2012 г. Будучи в отпуске в другом регионе, гражданка

заболела и обратилась в медицинское учреждение по месту своего нахождения. Врачи установили заболевание и назначили лечение. От том, что она заболела, истец сообщила на работу по телефону 15 августа 2012 г., просила продлить отпуск на 10 дней. С 14 по 23 августа 2012 г. она находилась на лечении. По окончании лечения выехала к месту работы. 29 августа 2012 г. она вышла на работу, однако ей объявили об увольнении по подп. "а" п. 6 ч. 1 ст. 81 ТК РФ за прогул — отсутствие на рабочем месте в период с 24 по 29 августа 2012 г. и выдали трудовую книжку. Увольнение истица считала незаконным, поскольку никаких нарушений трудовой дисциплины, в том числе прогулов, не совершала. С приказом о её увольнении истец не ознакомлена и на её требования об этом от администрации организации получила отказ. Решением суда первой инстанции в удовлетворении иска отказано. Рассмотрев кассационную жалобу, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила вынесенные по делу судебные постановления с направлением дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указав следующее. При исчислении общей продолжительности ежегодного оплачиваемого отпуска дополнительные оплачиваемые отпуска суммируются с ежегодным основным оплачиваемым отпуском. С учётом изложенного истица должна была приступить к исполнению своих трудовых обязанностей 23 августа 2012 г., однако появилась на рабочем месте 29 августа 2012 г., представив листок нетрудоспособности на период с 14 по 23 августа 2012 г., выданный по месту нахождения в отпуске.

Отказывая в удовлетворении исковых требований, суд исходил из того, что истица не предупредила работодателя о болезни в период отпуска, в связи с чем допустила нарушение трудовой дисциплины, поскольку, как следовало из правил внутреннего трудового распорядка организации, к основным обязанностям работника относилось и своевременное сообщение руководству о причинах невыхода на работу.

Суд счёл, что, не представив работодателю листок нетрудоспособности, истец допустила злоупотребление своим правом на продление отпуска, поэтому её увольнение за прогул без уважительных причин является законным. Судебная коллегия признала данный вывод суда ошибочным, поскольку отсутствие сведений об уведомлении работодателя 24 августа 2012 г. о наличии у истца листка нетрудоспособности не может служить основанием для признания неуважительными причин отсутствия на работе в период с 24 по 29 августа 2012 г. Обязанность работодателя продлить отпуск

в случае временной нетрудоспособности работника закреплена в ст. 124 ТК РФ, по смыслу которой работник должен подтвердить факт временной нетрудоспособности соответствующим документом (листочком временной нетрудоспособности), который даёт право на продление отпуска. Судом при рассмотрении дела с достоверностью установлено, что истица не скрывала от работодателя наличия у неё листка нетрудоспособности и не вводила работодателя в заблуждение по этому вопросу. Работодатель издал приказ об увольнении истца за прогул после выхода С. на работу 29 августа 2012 г. и после того, как она предъявила документы о временной нетрудоспособности в период своего отпуска. Несвоевременное представление работником работодателю документов, подтверждающих факт нахождения в состоянии временной нетрудоспособности, в данном случае произошло по причине пребывания в указанный период времени в отпуске в другом регионе, вдали от места работы и проживания, и поэтому не может считаться виновным нарушением работником норм трудового законодательства. Выводы суда о злоупотреблении истцом своим правом продлить отпуск в связи с временной нетрудоспособностью признаны неправильными.

Таким образом, несвоевременное представление работником работодателю документов, подтверждающих факт временной нетрудоспособности, не может служить основанием для признания неуважительными причин его отсутствия на работе и увольнения за прогул. Решение работодателя о признании конкретной причины отсутствия работника на работе неуважительной и, как следствие, увольнение его за прогул может быть проверено в судебном порядке. При этом отсутствие в Трудовом кодексе РФ перечня уважительных причин само по себе не может рассматриваться как нарушающее конституционные права граждан. Осуществляя судебную проверку и разрешая конкретное дело, суд исходит из общих принципов дисциплинарной ответственности и оценивает всю совокупность конкретных обстоятельств дела, в том числе проверяет и оценивает обстоятельства и мотивы отсутствия работника на работе.

В определении Верховного Суда РФ по делу № 46-В05-44 от 13.01.06 [5] судом установлено, что работник был уволен незаконно по п. 5 ч. 1 ст. 81 ТК РФ — за неоднократное неисполнение без уважительных причин трудовых обязанностей. Истец, оспаривая законность расторжения трудового договора в связи с применением к нему дисциплинарного взыскания, указал на то, что работодателем, как при его увольнении, так и ранее при наложении на него

дисциплинарных взысканий, неоднократно были нарушены требования ТК РФ, в т. ч. предъявляемые к прекращению трудовых отношений по инициативе работодателя.

Дисциплинарное взыскание, наложенное на работника приказом от 27.08.02 № 406, было применено за нарушения, допущенные в период его нахождения в отпуске; объяснение от него затребовано не было. Кроме того, приказом от 19.11.02 № 542 он был подвергнут дисциплинарному взысканию в виде замечания, и объяснение работодателем также не было затребовано.

Суд высшей надзорной инстанции указал на нарушения, допущенные судами, отказавшими в удовлетворении исковых требований. При рассмотрении настоящего дела суды не проверили, было ли в действиях истца злоупотребление правом, выразившееся в сокрытии от ответчика данных о его временной нетрудоспособности, в связи с чем вывод о правомерности действий ответчика, связанных с переносом даты увольнения истца с 30 декабря 2002 г. на 30 апреля 2003 г., не может быть признан правильным.

С учетом вышеизложенного у надзорной инстанции Верховного Суда РФ не возникло сомнений в незаконности данного увольнения, но возникло подозрение, что истец злоупотреблял своим правом и не поставил в известность работодателя при увольнении о получении больничного листа, и поэтому Верховный Суд РФ отменил все состоявшиеся решения судов и направил дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Таким образом, если выяснится, что работодатель ознакомил работника в день увольнения с приказом о расторжении с ним трудового договора, а работник не поставил в известность работодателя о наличии у него листка нетрудоспособности, то получится, что работник злоупотребил своим правом.

В приведённых выше примерах судебной практики наблюдаются случаи наличия и отсутствия злоупотребления работником своими трудовыми правами. Можно выделить следующие признаки злоупотребления правом со стороны работника: умысел работника; недобросовестное поведения работника как в трудовых, так и в процессуальных правоотношениях (например, умолчание работника о временной нетрудоспособности, специальное увеличение периода, за который работодатель обязан выплатить денежные суммы, нежелание работника получить трудовую книжку, сдача крови и ее компонентов для получения дней отдыха и избегания прогулов, повышение размера выходного пособия при увольнении без достаточных оснований), наступление возможных благоприятных последствий для работника.

В связи с этим целесообразно было бы предусмотреть в законодательстве для работника, факт злоупотребления правом которого установлен судом, обязанность возместить ущерб работодателю.

Список литературы:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. 7 января. № 1. (изменения, внесенные Федеральными законами от 02.04.2014 № 50-ФЗ, № 55-ФЗ, № 56-ФЗ, вступили в силу с 13 апреля 2014 года).
2. Офман Е.М. Злоупотребление правом субъектами трудовых отношений: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006.
3. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2007. № 3.
4. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за третий квартал 2013 г. (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 5 февраля 2014 г.) [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://ппвс.рф/2014/obzor-sudebnoy-praktiki-vs-rf> (дата обращения 18.09.2014).
5. Определение Верховного Суда РФ № 46-В05-44 от 13 января 2006 г. по делу № 2-549/2003 [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://sudact.ru/regular/doc/xHsuNmLaUxYr/?regular-txt=®ular-case_doc (дата обращения 18.09.2014).

СЕКЦИЯ 8.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

ВОЗРАСТНЫЕ ПРЕДЕЛЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ МАЛОЛЕТНИХ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНЫХ ДЕЯНИЙ

Долгополов Владислав Юрьевич

преподаватель кафедры права

Волгодонского института экономики, управления и права (филиал)

Федеральное государственное автономное образовательное

учреждение высшего образования

«ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»,

РФ, г. Волгодонск

E-mail: 8827555@mail.ru

THE AGE LIMITS OF LIABILITY OF MINORS FOR COMMITTING SOCIALLY DANGEROUS ACTS

Vladislav Dolgopolov

teacher of faculty of law,

Volgodonsk Institute of Economics, management and law (branch)

Federal state Autonomous educational institution of higher education

"SOUTHERN FEDERAL UNIVERSITY",

Russia, Volgodonsk

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается вопрос о законодательном регулировании возраста уголовной ответственности малолетних и несовершеннолетних в России и в мире. Акцентируется внимание на изменениях требований, предъявляемых законодателем к различным возрастным категориям малолетних и несовершеннолетних, совершивших преступления.

ABSTRACT

The article addresses the issue of legislative regulation of the age of criminal responsibility of minors and juveniles in Russia and in the world.

The attention is focused on changes in requirements for the legislator to different age groups of minors and juvenile offenders.

Ключевые слова: возраст уголовной ответственности; дееспособность; субъект преступления.

Keywords: the age of criminal responsibility; the capacity; the perpetrator of the crime.

Одним из условий признания физического лица субъектом преступления является достижение им установленного законом возраста уголовной ответственности. При этом законодатели исходят из того, что до достижения определенного возраста человек не способен в достаточной мере понимать значение своих действий (бездействия), предвидеть их последствия и нести за них ответственность.

Современное российское уголовное законодательство не несет в себе определения возраста, с которого наступает уголовная ответственность, но в тоже время, имеет отсекающий возрастной ценз, преодолевая который гражданин становится дееспособным по отношению к поступкам, за которые следует уголовное наказание. В России установлен универсальный для этого государства и его населения возраст наступления уголовной ответственности 14 лет. В этом возрасте наступает уголовная ответственность за особо тяжкие преступления, список которых является исчерпывающим и дополнению не подлежит. Полная дееспособность за совершение уголовно наказуемых поступков наступает с 16-ти летнего возраста. Применяя терминологию «полная уголовная дееспособность» законодатель имеет в виду ответственность за совершение преступлений, которые в состоянии совершить 16-ти летний подросток в силу своего возраста, ведь есть широкий спектр преступлений, которые он не совершит, не достигнув полной правовой дееспособности, которая приобретается по достижении 18-ти лет. Это такие преступления как воинские, должностные, ряд экономических.

Существующий в современном российском уголовном законодательстве минимальный возраст уголовной ответственности был закреплен Основами уголовного законодательства СССР и союзных республик в 1958 году и прошел неизменным через уголовный кодекс РСФСР. В свою очередь Уголовный кодекс РФ 1996 г. сохранил дифференцированный подход к установлению возраста уголовной ответственности. До этого история отправления правосудия в отношении детей пестрит разнообразностью подходов к применению наказания.

До определенного момента, возраст как количественный показатель не имел значения и при изучении памятников древнерусского права установлено, что в первых законодательных источниках Руси и России возраст наступления ответственности за совершенные преступления не определялся. Русская Правда, Судебники 1497 и 1551 годов, Соборное уложение 1649 года ни в каком виде не содержат упоминание минимального возраста до достижения которого человек невиновен. Правда, еще до Соборного уложения в Кормчей книге указывалось, что если убьет семилетний отрок, он неповинен в смерти. Ссылка на Кормчую книгу имела в статьях Новоуказа (Соборное уложение 1649 года) [15, с. 106].

Следующим значимым для истории законодательным актом был Артикул воинский принятый Петром I в 1715 году. Возраст ответственности законом определен не был, т. к. Соборное уложение не отменялось (с 7 лет). В толковании на артикул 195 сказано: «Наказание воровства обыкновенно умалется или весьма отставляется, ежели... вор будет младенец, которых дабы заранее от сего отучить, могут от родителей своих лазами наказаны быть». Вместе с тем о возрасте младенца в законе речь не идет [10, с. 20].

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. впервые упоминается о возникновении института возбуждения уголовного дела, который в свою очередь не может обойтись без дееспособного субъекта. Таким образом, в этом документе появилась конкретизация возраста в количественном показателе, который устанавливал, что полностью уголовно безответственными являлись дети до 7 лет. Дети 7—9 лет, а также 10—14 лет, но совершившие преступление без разума, по Уложению не наказывались. В их отношении предписывались меры домашнего воспитания. Общий возраст наступления уголовной ответственности, таким образом, равнялся 10 годам, такой вывод позволяет сделать ст. 143: «дети, коим более семи, но менее десяти лет отроду, и которые не имеют еще надлежащего за ними присмотра, исправления и наставления» [11, с. 620]

Привлекает внимание факт, что российский законодатель до середины XIX в. не упоминает об исправлении малолетних преступников. Репрессивные меры по отношению к последним были нормой отправления правосудия. С течением времени, правосудие в отношении несовершеннолетних не стоит на месте, и в 1864 г. издается Устав о наказаниях, ст. 6 которого впервые упоминает об отдаче несовершеннолетних преступников в особо учрежденные исправительные приюты [14, с. 120], хотя указ об учреждении таких

приютов появился только спустя два года, 5 декабря 1866 г. [3, с. 3549—3555].

Данный подход к определению возраста уголовной ответственности продержался без изменений вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года.

Декрет СНК РСФСР от 14 января 1918 г. «О комиссиях для несовершеннолетних» [8 с. 252] поднял планку привлечения к уголовной ответственности несовершеннолетних до 17-ти летнего возраста. Дела об общественно опасных деяниях несовершеннолетних до 17 лет подлежали ведению комиссии для несовершеннолетних, которая принимала решение либо об освобождении несовершеннолетнего, либо о направлении его в воспитательное учреждение («убежище»). Руководящие начала 1919 г. установили, что «несовершеннолетние до 14 лет не подлежат суду и наказанию. К ним применяются лишь воспитательные меры (приспособления). Такие же меры применяются в отношении лиц переходного возраста 14—18 лет, действующих "без разумения"» [6, с. 843] Это был аналог ювенальных или как их в то время называли детских судов действовавших в крупных городах на территории России и упраздненных Декретом № 1 в декабре 1917 года.

Далее учитывая сложную политическую обстановку в стране, рост беспризорности среди несовершеннолетних и как следствие ужесточение и рост детской преступности минимальный возраст уголовной ответственности был установлен в 14 лет. Эти новеллы законодательства нашли свое закрепление в УК РСФСР 1922 года и 1926 года.

В советский период в России вопрос о минимальном возрасте, с которого наступает уголовная ответственность, также решался не одинаково. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 г. «О мерах борьбы с преступностью несовершеннолетних» было установлено: «несовершеннолетних, начиная с 12-летнего возраста, уличенных в совершении краж, в причинении насилия, телесных повреждений, увечий, в убийстве или в попытках к убийству, привлекать к уголовному суду с применением всех мер наказания» [4, с. 272]. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 декабря 1940 г. установил уголовную ответственность с двенадцати лет и за действия, могущие вызвать крушение поездов [7, с. 394]. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 31 мая 1941 г. установил, что уголовная ответственность за все другие преступления наступает с четырнадцати лет [7, с. 395]. Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. [2], а вслед за ними и УК

РСФСР 1960 г. [1] установили возраст уголовной ответственности на общих основаниях с шестнадцати лет. Следуя общей тенденции к гуманизации уголовной политики и с учётом возросших возможностей профилактики подростковой преступности, эти новеллы своего времени повысили возраст уголовной ответственности. Субъектом преступления признавались лица, которым на момент совершения преступления исполнилось 16 лет. Лишь за некоторые преступления, непосредственно перечисленные в законе, ответственность устанавливалась с 14-летнего возраста.

Назначая количественный отсекающий возрастной порог наступления уголовной ответственности, законодатель тем самым «облегчил жизнь» правоприменителю, так как одной из главных проблем института возбуждения уголовного дела является то, что любые жесткие возрастные рамки, которыми определяется момент превращения лица в уголовно-ответственное, носят, по сути, характер юридической фикции и не учитывают индивидуальных особенностей развития конкретной человеческой личности.

Созревание личности не происходит одновременно как по мановению волшебной палочки в день достижения установленного кем-то предельного возраста и фактический уровень психического развития подростков одного года рождения может очень существенно различаться. Поэтому подход к вопросу об уголовной ответственности несовершеннолетних с одной только «количественно-календарной» меркой, по сути является большим упрощением.

В заключение для сравнения рассмотрим действующие нормы уголовного права некоторых зарубежных стран по достижению детьми возраста уголовной ответственности.

Уголовный кодекс Швейцарии 1937 г. (ст. 82) предусматривал, что «к ребенку, который не достиг семилетнего возраста, настоящий закон не применяется», специальным постановлением в 2002 г. возраст правовой ответственности был увеличен до 10 лет [9, с. 183]. В Англии с принятием Закона о детях и подростках 1969 г. содержится норма, установлен возраст наступления уголовной ответственности с 14 лет (по общему праву уголовная ответственность наступает с 10 лет). Однако в действительности этот параграф может вступить в силу лишь после издания соответствующего приказа Государственного секретаря [18, с. 54]. В Новой Зеландии — 10 лет, Турции — 11 лет, Канаде — 12 лет [5, с. 82, 119, 142]. В США подлежат юрисдикции суда по делам несовершеннолетних лица 6—12-ти лет, максимально — 15-ти—17-ти лет (в зависимости от штата) [12, с. 7]. Уголовный кодекс ФРГ (§ 19) предусматривает возможность привлечения к уголовной

ответственности детей, достигших возраста четырнадцати лет [13, с. 16]; в УК Австрии (Федеральный закон о деяниях, § 74) отмечается, что «...малолетним является тот, кто ещё не достиг четырнадцатилетнего возраста; подростком является тот, кто достиг четырнадцати, но ещё не достиг девятнадцати; несовершеннолетний — это лицо в возрасте до девятнадцати лет» [16, с. 127]. Раздел 4 УК Швейцарии «Несовершеннолетние» содержит пять глав (ст. 82—100 тер.), в которых устанавливаются возрастные границы детей — от семи до пятнадцати лет [17, с. 136]., подростков — от пятнадцати до восемнадцати лет [17, с. 139]., и наконец, молодёжи — от восемнадцати до двадцати пяти лет [17, с. 151]. Во Франции возможность привлечения к уголовной ответственности и её принципы также зависят от возрастной группы несовершеннолетнего. Первая группа объединяет несовершеннолетних лиц, не достигших тринадцатилетнего возраста. Лицам указанной группы не может быть назначено наказание, в связи с чем некоторые французские юристы утверждают, что для них презумпция уголовной неответственности является абсолютной [19].

Список литературы:

1. Закон РСФСР от 27.10.1960 «Об утверждении уголовного кодекса РСФСР» [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_5602.htm (дата обращения 24.09.2014 г.).
2. Закон СССР от 25.12.1958. Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_5358.htm (дата обращения 24.09.2014 г.).
3. Капинус О.С. Додонов В.Н. Возраст уголовной ответственности в праве современных стран // Закон. — 2004. — № 11. — С. 106.
4. Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 года «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» // СЗ СССР. — 1935, — № 19. — ст. 155.
5. Решетников Ф.М. Правовые системы стран мира: Справочник. М.: Юридическая литература, 1993.
6. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г. // СУ РСФСР. — 1919 г. — № 66. — Ст. 590.
7. Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР (1938—1956) / под ред. к. ю. н. Мандельштам Ю.И. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1956 г.
8. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1918 г. № 16.

9. Таганцев Н.С. Исследование об ответственности малолетних преступников по русскому праву. СПб. 1871 146 с.
10. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. 1845 г// Полное собрание законов Российской империи. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения 24.09.2014 г.)
11. Уголовная ответственность несовершеннолетних по законодательству Швейцарии Черненко И.В.// Актуальные проблемы государства и права: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции./ Под ред. Шепель Т.В. Новокузнецк, 2005. — С. 181—183.
12. Уголовное законодательство зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии, Японии): Сб. законодательных материалов / Под ред. И.Д. Козочкина. М.: Зерцало, 1998.
13. Уголовный кодекс ФРГ/Перевод и предисловие А.В. Серебrenниковой. М.: ИКД «Зерцало-М», 2001.
14. Устав о наказаниях изд. 1866 г. // Российское законодательство X—XX вв. Судебная реформа. Т. 8 / Отв. ред. Тома проф. Б.В. Виленский. М., 1991. — С. 120.
15. Устав о наказаниях изд. 1866 г. // Полный свод законов Российской империи / Под ред. Добровольского. СПб., — 1867. — Т. 15. — С. 3549—3555.
16. Уголовный кодекс Австрии / Перевод с немецкого Л.С. Вихровой. СПб. «Юридический центр Пресс», 2004 г. — 352 с.
17. Уголовный кодекс Швейцарии. СПб. «Юридический центр Пресс», 2002 г. — 350 с.
18. Children and Young Persons Act 1969. — С. 54.
19. Conte, Maistre du Chambon. Droit penal general. Op. cit. — P. 190.

Научное издание

«ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ»

Сборник статей по материалам
XLI международной научно-практической конференции

№ 9 (40)
Сентябрь 2014 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 28.09.14. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 4,625. Тираж 550 экз.

Издательство «СибАК»
630049, г. Новосибирск, Красный проспект, 165, офис 15
E-mail: mail@sibac.info

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3